

Копия

Автор:

Лорен Оливер

Копия

Лорен Оливер

Реплика #2

Две девушки. Две истории. Один финал.

За пределами Института Хэвена Джемма мечтает вернуться к обычной жизни. Узнав правду о прошлом, чувствует себя то захватчицей, то пришельцем с другой планеты. Мир ее отца Джеффри Ивза – паутина, где каждый связан друг с другом одолжениями, подковерными делишками, контрактами, альянсами, а сильнее всего – деньгами. И у Джеффри большие планы на реплики.

Лира, выбравшись из Хэвена, сожалеет о побеге. С каждым днем ей все тяжелее справляться с подхваченной в институте болезнью и найти контакт с внешним миром. Прошлое – шокирует, будущее – пугает. Как найти свое место и стать человеком?

Лорен Оливер

Копия

Lauren Oliver

RINGER

Copyright © 2017 by Laura Schechter

© О. Попова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Джемма

После того как Джемма открывает малоприятную правду о своей связи с Хэвеном, она всеми силами пытается вернуться к нормальной жизни. Но, узнав о новых планах расчетливого и властного отца, девушка вместе с бойфрендом Питом среди ночи пускается в опасный путь, чтобы предупредить Лиру и Ориона о грозящей им опасности.

Когда Пит и Джемма останавливаются из-за аварии на дороге, незнакомцы, нанятые, чтобы отыскать беглецов, принимают их за реплики и силой доставляют в заброшенный аэропорт. Там девушка лицом к лицу сталкивается с сотнями собственных клонов, выживших после взрыва на Еловом острове. Институт не прекратил своего существования, и теперь Джемма оказалась заперта в его стенах.

Истории Джеммы и Лир можно читать отдельно друг от друга (при этом порядок прочтения не имеет никакого значения) или попеременно по одной главе из каждой части. Какой бы способ вы ни выбрали и как бы ни поворачивали эту книгу, две самостоятельные линии переплетаются и создают захватывающий сюжет, который читатели вместе с героинями проживут на одном дыхании.

Пролог

Воскресенье, 15 мая, 07.11.

Им связали руки, засунули в зубы по кляпу. Потом втолкнули в фургон без номеров, словно они попали в один из эпизодов сериала «Закон и порядок». Жаль только, не было саундтрека, чтобы понять, когда закончится эта часть.

Джемма даже не смогла закричать: она была слишком шокирована. Отдаленный гул, доносящийся с трассы Ай-40, напоминал скорее шум воды. На деревьях беззаботно щебетали птички. Она надеялась, что кто-то мог все видеть, позвать на помощь, спасти их.

Но никто так и не появился.

Эти богом забытые дороги в Теннесси пустовали даже в час пик. А уж в семь утра в воскресенье вокруг точно не было ни души. Даже для прихожан местных церквей было еще слишком рано. Никого. Только похитители, с руками, скользкими, как пулеметные стволы, и правилами, которые они диктовали.

Спасибо, хоть не надели им на головы мешки. Джемма однажды видела такое в кино: преступники похитили женщину из состоятельной семьи, чтобы получить выкуп, надели ей на голову полотняный мешок, и она задохнулась. Пришлось им избавляться от тела и заметать следы.

Может, и ее тоже похитили с целью выкупа.

Но в глубине души девушка все же понимала, что ее схватили по другой причине.

Из-за Хэвена.

Из-за побега.

Джемма пыталась прислушиваться, чтобы понять, куда они движутся, пока фургон, подсакивая на ямах, на полной скорости увозил их в неизвестном направлении. Один раз подбросило так сильно, что она со всего маху ударилась копчиком об пол. Даже слезы навернулись на глаза.

Когда дорога пошла значительно ровнее, стало понятно, что они выехали на трассу. Вокруг стоял оглушительный треск, словно сотни ног топали в унисон прямо над головой. Она чувствовала себя окороком, который швырнули в трюм корабля. Из-за отсутствия солнечного света Джемма быстро потеряла счет времени. Горло саднило, и было трудно глотать. Ворсинки кляпа неприятно щекотали нос и горло, а на вкус он напоминал носок.

Может, они хотя бы купили новую пару для похищения.

Запястья ломило. Интересно, выпускают ли наручники посвободнее – для пленников потолще? Как презервативы размера экстра, о существовании которых она узнала на прошлой неделе, когда Эйприл в шутку подарила ей пачку. «Для твоего самого первого бойфренда».

Ее бойфренда.

Грудь быстро поднималась и опускалась, словно ему было тяжело дышать. Глаза были закрыты. Он откатился в дальнюю часть фургона и каждый раз, когда на дороге попадалась выбоина, ударялся головой о двери. Она толкнула ногой лодыжку Пита, чтобы заставить посмотреть на нее. На виске, в том месте, куда ударил один из похитителей, выступила кровь. И теперь при каждом взгляде на него Джемму мутило. Она стала считать веснушки на носу Пита. Она любила эти веснушки.

И любила его. Только не знала об этом до сегодняшнего дня, пока не оказалась здесь лежащей на полу фургона, закованной в наручники, которые сдирали кожу с запястьев. Пока не увидела, как кровь медленно стекает по его брови.

Она хотела сказать ему, что все будет хорошо... Без слов, взглядом и звуками, которые удавалось извлечь из глубины горла. Но он просто покачал головой, он не понял. Да и не поверил бы в любом случае.

Часть первая

Глава 1

– Выбирай, – потребовала Эйприл и, дотянувшись до Джеммы, ткнула пальцем в бок. – Давай же, выбирай! По-другому никак.

– Левый.

Сияющая Эйприл извлекла на свет пачку чипсов, которую держала в левой руке: со вкусом чеддера и халапеньо[1 - Халапеньо – сорт острого перца, который чаще всего выращивается в Южной Америке. Халапеньо входит в состав многих традиционных мексиканских блюд.].

– Неудачница, – сказала она, бросая пачку через стол, – вот если бы тебе было не все равно...

Она достала еще одну упаковку, на этот раз с солью и уксусом (любимый вкус Джеммы), и, вскрыв ее зубами, протянула подруге.

– Хорошо, что я не жадная.

Эта традиция появилась где-то в середине девятого класса. По непонятной причине все школьники разом начали скупать чипсы со странными вкусами. Как предполагала Эйприл, просто потому, что они всегда продавались со скидками. Тогда и придумали эту игру – выбирать вслепую из двух пачек: в одной вкусные чипсы, в другой – не очень. Хотя они все равно всегда съедали вместе те, что с солью и уксусом.

Но Джемма не была голодна. Аппетит у нее пропал несколько недель назад, во время весенних каникул, из-за всей этой истории с Хэвеном, Лирой и Орионом. Раньше она все время чувствовала голод, хоть и не любила есть при посторонних. Теперь все, что она ела, по вкусу напоминало пепел. Или горькую таблетку, которую случайно раскусила. Каждый глоток позаимствован – даже украден! – у той, которая должна была жить вместо нее.

А Джеммы здесь не должно было быть.

– Эй, мне тебя током бить или как? – проговорила Эйприл насмешливым тоном, но без улыбки.

Джемма протянула руку и взяла чипсы, просто чтобы подруга немного расслабилась.

Недалеко от них за столиком расположились близнецы Боллард. Они склонились над одним телефоном, вставив по наушнику, и, похоже, смотрели какое-то видео. Брендон Боллард улыбался, хотя получалось не очень естественно. Скорее, он просто показывал зубы.

– А ты знаешь, что некоторые близнецы могут общаться телепатически? – внезапно спросила Джемма.

– Это неправда, – с тяжелым вздохом ответила Эйприл, тряхнув челкой.

– Правда. У них есть свой язык и все такое.

– Выдумать свой язык и общаться телепатически – не одно и то же.

– Ну, они делают и то, и другое.

Было странно видеть близнецов вместе. Брендон был одет во все черное. Темные волосы спадали на его лицо и толстовку с изображением вампирских клыков. Брант был в синих кедах и джинсах, низко сидящих на бедрах. У Бранта волнистые каштановые волосы, которые он не стрижет: наверное, потому, что его подружке, Обри Коннели, самой бесчувственной сучке из всей стаи волков, так нравится тянуть за них, когда они трахаются на заднем сиденье ее «БМВ».

И все равно близнецы так похожи: одинаково сутулятся. У них одинаковые губы, широко расставленные карие глаза. И эта манера лениво плестись по коридору, словно пункт назначения сам должен к ним прийти.

– А ты слышала, что близнецы иногда как бы поглощают друг друга в материнской утробе? – продолжила Джемма. – Я читала об этом в Сети. Одна женщина думала, что у нее опухоль, а потом внутри у нее нашли волосы, зубы и все такое. Представляешь?

Эйприл уставилась на нее.

– Я же ем! – возмутилась она. Но, поскольку уже откусила и пыталась прожевать кусок сэндвича, получилось что-то вроде «я ф фем!».

– Прости.

Эйприл проглотила сэндвич и запила его кокосовой водой, все время глядя на Джемму так, словно та была опасной бактерией, угрожающей заразить всех вокруг.

– Ты точно не голодна?

Джемма слегка отодвинула от себя сэндвич.

– Я плотно позавтракала.

Она старалась не встречаться взглядом с Эйприл. Та всегда знала, когда подруга ее обманывает.

Эйприл тоже отодвинула поднос и скрестила руки на столе.

– Я волнуюсь за тебя, Джем.

– Я в порядке, – ответила Джемма автоматически. За прошедшие две недели она произнесла эту фразу, наверное, тысячу раз. И все ждала, когда слова станут правдой.

– Ты не в порядке. Твой мозг работает на автопилоте. Ты почти ничего не ешь. Теперь еще это твоё увлечение близнецами Боллард...

– Это не увлечение, – быстро возразила Джемма и заставила себя отвести взгляд от Брендона, неторопливо шагающего к выходу. Он был так бледен, что казался призраком своего брата-близнеца.

– Увлечение, – настаивала Эйприл. – Ты говоришь о них больше, чем о своём парне. Новом парне, – продолжила она, прежде чем подруга успела открыть рот. – Восхитительном парне.

– Потихонечко, – попросила Джемма. Она заметила, что группа девятиклассников, сидящих за соседним столиком, пялится на них, и состроила гримасу. Плевать, что её сочтут сумасшедшей. Абсолютно всё равно.

Эйприл запустила руки в волосы, которые словно служили проводником электричества. Когда она была расстроена, казалось, её кудряшки могли стукнуть током.

– Слушай, – сказал она, понизив голос, – я понимаю...

– Не понимаешь, – Джемма не дала ей договорить.

Эйприл выразительно смотрела на неё.

– Я тоже всё это видела, – сказала она. – И Пит видел. Мы тоже там были.

Джемма хотела сказать, что это не одно и то же. Но какой в этом смысл? Они видели то же самое, но это не означает, что и чувствовали себя так же.

– Хэвен больше не твоя проблема. Он тебя не касается. Лира и Орион – в безопасности. Важные люди расследуют дело доктора Саперштайна. Ты своё получила. Хотела узнать правду и узнала. Но не позволяй ей уничтожить тебя.

Джемма понимала, что подруга пытается помочь. Но что-то уродливое и темное поднялось в её желудке и схватило за горло. Страх, бурлящий глубоко внутри в последние недели, становился сильнее.

– Я хочу сказать, у многих есть свои скелеты в шкафу.

В этом главная проблема Эйприл. Она не знает, когда нужно остановиться.

В висках у Джеммы стучало от гнева. Она слышала свои слова отдаленным приглушенным эхом.

– Ты знаешь Уинн Доббс из девятого? Говорят, ее отец однажды пытался убить ее мать лопатой. Поэтому Уинн живет с тетей...

Она не могла понять, что значит быть репликой, и не хотела. Джемма не была нормальной. Много лет они с Эйприл в шутку называли себя инопланетянками, но теперь Джемма действительно чувствовала себя пришельцем с другой планеты. На самом деле она даже хотела бы, чтобы это оказалось правдой. Тогда, по крайней мере, можно было бы однажды вернуться в свой настоящий дом, пусть даже он и находился бы в миллионах световых лет.

Но Джемма – клон: ее изготовили, произвели на фабрике с использованием клеток первой дочери ее родителей, Эммы. Джемма не была инопланетянкой. Хуже. Она была захватчицей. Всю свою жизнь она будто бы прожила, глядя на мир через фотофильтр, размывающий контуры предметов и детали. Словно она взломала чужой профиль в соцсетях и все это время выдавала себя за кого-то другого. Это Эмма должна была сидеть здесь, весело похрустывая чипсами из пачки и волнуясь из-за предстоящего экзамена. Не Джемма.

Джемма вообще не должна была появиться на свет.

– Джемма? Эй, Джемма?

Где-то в лабиринтах прошлого ее потерянный близнец, пропавшая реплика, беззвучно кричит в надежде, что ее услышат.

Какой смысл пытаться это объяснить?

Джемма заставила себя улыбнуться.

– Я слушаю, – сказала она.

Раньше, в те дни, когда Эйприл оставалась в школе на занятия в хоре, Джемма ездила домой на автобусе. Она отказалась от предложения отца выделить ей водителя, ведь это сделало бы из нее еще большую мишень.

Но теперь ее подвозил Пит. По крайней мере, в те дни, когда не стоял за кассой в «Квикмарте».

Была среда, одиннадцатое мая. Прошло почти три недели, с тех пор как она в последний раз видела Лиру. Пит избавился от минивэна баклажанового цвета, на котором они ездили во Флориду. Сказал, что из-за большого пробега, но Джемма чувствовала, дело было еще и в воспоминаниях, связанных с этой машиной. Свой новый коричневый «Вольво» он называл «дерьмом в мусоропроводе», хотя этот автомобиль явно выигрывал в сравнении с предыдущим. Когда они вместе колесили по улицам, она снова представляла себе мужчин и женщин в темных костюмах, которые следили за ними и преследовали на невзрачных седанах.

Паранойя, не иначе. Отец обо всем позаботился, как и обещал. Он же вытащил из тюрьмы папу Лиры, устроил его на работу и обеспечил жильем в каком-то трейлерном парке в Теннесси, который, как оказалось, ему принадлежал. Хоть в этом Эйприл права. Орион и Лира в безопасности под присмотром ее отца, спрятаны где-то в самой глуши Теннесси. Доктор Саперштайн выжил после взрыва и последовавшего за ним пожара в Хэвене, но, как заверил Джемму отец, ни он, ни его чудовищные эксперименты больше не получают финансирования. Она так и не решилась спросить, что будет с выжившими репликами: предпочитала думать, что тех поместят куда-то вроде хосписа и будут заботиться, пока болезни, которыми их инфицировали, не расправятся с носителями окончательно.

Пит всегда держал ее за руку, пока они шли на парковку. А пятнадцатиминутная поездка занимала целый час, потому что они все время отвлекались на поцелуи. Если мама была дома, она всегда приглашала их на сладкий чай, приготовленный домработницей Бернис, которая приходила каждое утро. Все это казалось до боли нормальным.

Но так только казалось. И сама она только казалась нормальной. И все они. Чем усерднее она притворялась, тем очевиднее становился надлом. Встреча с Лирой и Орионом, осознание того, что они теперь свободны, что и люди, ответственные за все происходившее в Хэвене, тоже разгуливают где-то безнаказанными, раскололи ее жизнь на «до» и «после». А Пит и Эйприл считали, что все наладится, если только сделать вид, что все в порядке. Отрицание произошедшего только затягивало их глубже, словно огромная черная дыра. И они все провалятся в нее, должны провалиться.

– Что с тобой? – Пит протянул руку и коснулся ее щеки. Ей нравилось, как он это делает: касается ее лица и губ большим пальцем. Они припарковались в конце подъездной аллеи. Последний отрезок в четверть мили тянулся между живописными березами и какими-то бледными деревьями, смыкающими ветви над их головами. – Что случилось?

Интересно, сколько раз за последние недели он уже задавал этот вопрос.

– Ничего, – ответила она бесцветно, – почему ты спрашиваешь?

– Ты не закрыла глаза, – ответил он, – смотрела куда-то в пространство. Словно я куклу Чаки[2 - Кукла Чаки – герой американской серии фильмов ужасов. Ожившая кукла, в которую вселился дух серийного убийцы.] целовал.

Джемма засмеялась. Это особый талант Пита – он может любого заставить смеяться.

– Ну, спасибо.

– Давай попробуем еще раз, ладно? – Он снова наклонился к ней. Джемма закрыла глаза, но не смогла расслабиться. Что-то впивалось ей в задницу. Наверно, села на ручку. И ей пришлось отстраниться.

– Прости.

Всего на одно крошечное мгновение Пит показался ей раздраженным. Хотя, может, она просто все выдумала. В следующую секунду он пожал плечами.

– Ничего, не будем смущать мисс Лейлу, – с этими словами он слегка толкнул куклу-дрожалку на приборной панели, и та немедленно закивала в ответ. Они поехали дальше.

Джемма ощутила облегчение, но за ним сразу последовало чувство вины. Что она за монстр такой, раз не хочет быть рядом со своим невероятным парнем, у которого такие чудесные взлохмаченные волосы и милые веснушки и который так восхитительно целуется?!

Монстр, который не может просто жить дальше. Спокойно жить для нее означает сдаться, хотя бороться уже, по сути, и не за что.

– Где ты ее раздобыл? – Джемма отвесила кукле еще один щелчок. На стершемся лице был различим только маленький, не улыбочивый рот.

Пит снова пожал плечами.

– Она уже была в машине. Твой отец считает ее талисманом.

У Джеммы мурашки побежали по спине от странного чувства, словно по ее позвоночнику прополз паук.

– Когда это мой отец видел твою новую машину?

– Когда продавал ее мне, – ответил Пит. Они припарковались рядом с ее домом, который с неизменной внезапностью возникал из-за деревьев, огромный и ошеломляющий. Если можно так сказать, дом Джеммы буквально насккивал на гостей.

Пит поймал ее взгляд.

– Что? Разве он не сказал тебе? Твой отец знал, что я ищу замену «баклажану», и предложил помочь: его друг как раз продавал машину. Это мило с его стороны, – сказал Пит, и Джемма состроила гримасу.

– Конечно, – отозвалась она. – Мило.

В этот раз она точно его разозлила. Он закатил глаза и выбрался из машины, не дожидаясь, пока она отстегнет ремень. Входная дверь уже была открыта. Руфус выскочил на улицу со всей прытью, которую позволял его возраст, и принялся лизать Питу колени. Мать Джеммы, Кристина, появилась в дверях с лучезарной улыбкой и помахала парню так, словно их разделяли не двадцать футов, а людная пристань, от которой вот-вот отчалит пароход.

Глупые подозрения. Мелкие. Не заслуживающие внимания. Что с того, что у ее отца есть друг, который продает старый разваленный «Вольво» цвета дерьма? У отца всюду друзья. В полиции. В компании, где теперь трудится Рик Харлисс. Всего в десяти минутах от трейлерного парка, куда их поселили с Лирой и Орионом.

И все равно ей это не понравилось. Несколько недель назад она заявила отцу, что вернется домой, только если все изменится. Теперь она будет устанавливать правила. И жить своей жизнью. Но теперь она чувствовала еще больший контроль, чем раньше. Все пытались успокоить ее, отвлечь, занять чем-то и заставить забыть обо всем. Даже Пит хотел забыть.

«Все это слишком, – сказал он ей тогда, через пару дней после возвращения домой, – это выше наших сил».

Джемма точно знала, что он имеет в виду. Она тоже это чувствовала – невыносимый груз чего-то огромного, мрачного и мерзкого. Но только не она несла это в себе.

Наоборот, это темнота несла ее. И Джемма не знала, что с ней будет, когда она упадет.

Глава 2

– Войска не введут ни при каких обстоятельствах, – заявил отец Джеммы, несмотря на то что его рот был набит наполовину пережеванным стейком.

Джеффри Ивз считал хорошие манеры за столом обязательными... для других людей.

– Американская общественность никогда не поддержит это решение, – он направил вилку на своего старого школьного товарища, Нэда Энглтона, который был теперь детективом в полицейском департаменте Чапел-Хилла. – Патриотический гнев – это, конечно, хорошо, но отправлять на смерть этих бедных мальчишек из Омахи, Де-Мойне, да откуда угодно – это совсем другое дело. Кстати, рынок робототехники вырос в десять раз за последний месяц. Все помешались на дронах...

– Вы позволите мне вас покинуть?

За последние несколько недель Джемма ужинала с отцом больше раз, чем за предыдущие десять лет. Обычно по вечерам они с Кристиной, переодевшись в пижамы, поглощали суши перед телевизором, а если мать была занята, Джемма в одиночестве устраивала набеги на холодильник и поглощала то, что оставляла для нее Бернис.

Но после того, как она вернулась из Флориды, а Лиру, Ориона и мистера Харлисса выпроводили («поместили под защиту», как сказала Кристина, или «дали новую жизнь», как сказал отец, хотя Джемме казалось, что их просто убрали с глаз долой), родители решили, что им нужно проводить вместе больше времени. Как будто все, что она видела, и все, что узнала, объяснялось лишь пищевым расстройством и могло быть излечено домашней едой.

Оказалось, что, в понимании Джеффри Ивза, проводить время вместе означает перенести бизнес домой. С кем только они не ужинали на прошедшей неделе: с профессором робототехники, генералом чего-то там, который помог Ивзу заполучить выгодный контракт с биотехнологической компанией, работающей на правительство США. Еще с американским сенатором, которого позднее той ночью Джемма обнаружила на кухне в одних трусах. Он пьяно покачивался в голубом свете, льющемся из открытого холодильника.

– Не позволим, – ответил Джеф, тщательно накалывая на вилку очередной кусочек приготовленного Бернис стейка. – Не думаю, что бомбардировки с воздуха могут решить эту проблему. Эти психи рассеялись по местности. Военные технологии не стоят на месте, но поспеваем ли мы за ними?

Джемма ощутила внезапную вспышку гнева. Она повернулась к Кристине, которая молчала весь вечер. Обычно мать не принимала таблетки, когда они ждали гостей. Но в последнее время стало хуже. Два, три, четыре бокала вина, пара таблеток валиума[3 - Валиум – широко известное во всем мире успокоительное средство.] – и к вечеру Кристина уже не могла выговорить ни слова, а улыбка ее становилась блаженной и бессмысленной, как у младенца, так что у Джеммы сердце сжималось при взгляде на нее.

– Я собираюсь навестить Лиру на этой неделе, – громко произнесла Джемма. Последовала чудовищно напряженная пауза. Потом Кристина уронила бокал, а Джеф вскочил на ноги, изрыгая проклятия. Джемма почувствовала одновременно вину и триумф.

– Я пролила вино, – продолжала повторять Кристина. Красная жидкость разлилась по тарелке и оставила след на ее блузке. – Пролила вино.

– Ради бога, хватит просто сидеть и смотреть, – грохотал отец. – Ковер. Джемма, отведи свою мать куда-нибудь, ей нужно привести себя в порядок.

На кухне Джемма намотала себе на руку бумажные полотенца, словно гипс. Ее лихорадило, внутри все горело. Голос Кристины из-за двери напоминал жалкое блеяние раненой овцы.

Она собиралась вернуться в столовую, когда дверь распахнулась и в комнату вошел Джеф. Джемма была уверена, что отец накричит на нее из-за того, что она упомянула Лиру при гостях. Пусть даже никто и понятия не имел, о ком идет речь.

Но он просто сделал шаг вперед и взял полотенца.

Почувствовав себя немного увереннее, Джемма набрала воздух в легкие и повторила:

– Я хочу увидеть Лиру в эти выходные. Ты обещал.

На секунду их руки соприкоснулись, что почти шокировало Джемму. Они очень редко прикасались друг к другу. Вряд ли он обнял дочь больше двух раз за всю ее жизнь. Пальцы отца были холодными.

– В этот выходной у твоей мамы день рождения, – ответил он. – Ты забыла про вечеринку?

– Я поеду в воскресенье, – продолжила она, не желая сдаваться. Джемма уже начинала подозревать, что он специально заполняет ее жизнь вечеринками, ужинами и разными обязательствами, чтобы она не могла увидеться с Лирой.

– По воскресеньям мы ходим в церковь, – возразил Джеф. Его голос звенел от раздражения. – Я же говорил тебе, что теперь мы будем жить совсем по-другому, и, черт возьми, именно так и будет.

– Поеду после церкви, – отозвалась Джемма. Она знала, что пора прекратить. Отец и так уже был достаточно зол. Его щеки покрылись пятнами налившихся кровью сосудов. – Пит отвезет меня. Это займет всего пару часов...

– Нет, я сказал!

Он ударил кулаком по столешнице с такой силой, что кухонные часы, к которым никто, кроме Бернис, не прикасался, подпрыгнули.

– Воскресенье мы проводим с семьей. И точка.

Джемма отвернулась от него, стиснув кулаки так, словно могла раздавить в них весь свой гнев.

– Была бы семья...

– Что ты сказала? – Он развернулся и преградил ей путь к лестнице. На мгновение Джемма ощутила испуг. Отец показался ей совершенно чужим. Его дыхание отдавало стейком и выпитым за ужином виски. Она чувствовала, как он потеет под своим дорогим кашемировым свитером. И в этот момент Джемма

вспомнила, как однажды обнаружила мать распластавшейся у его ног после одной из их ссор. Он тогда сказал, что Кристина споткнулась. Но она до сих пор не знала, верить отцу или нет.

Странно, но в эту секунду время для нее собралось в длинный тоннель, который затем взорвался и превратился из лежавшего перед ней пути в маленькую точку, вместившую в себя все мысли и воспоминания. Она увидела своего отца с мертвой девочкой, его первым и единственным ребенком, и поняла: все, что он сделал, объясняется не печалью, а обидой. Ведь это трагедия, что он не властен над естественным ходом вещей, а мир меняется, не спросив его разрешения. Он сделал это не из любви, а чтобы восстановить правильный, в его понимании, порядок. Ничто не должно разрушаться, если только не он решил это сломать. Люди не имеют права просто так умирать, только не в его доме.

– Нравится тебе это или нет, ты будешь соблюдать мои правила, – сказал он, и Джемма едва не заплакала. В этом был весь отец. Он – как солнце на самом краю холста, которое освещает всю картину. Оно одновременно ограничивает и дарит надежду. – Ты все еще моя дочь.

– Я знаю, – сказала она вслух, хотя в ее голове настойчиво звучал ответ «нет». В самых глубинах своего подсознания она знала, что не была его дочерью. Она родилась от своей сестры, от той, что была до нее. Она же была дочерью безмолвного воспоминания, впрочем, теперь уже не безмолвного. Оно протянуло руки из прошлого и схватило Джемму за горло, и скоро оно непременно громко заявит о себе.

Глава 3

Джемма не помнила, чтобы отец когда-нибудь бывал дома в день рождения Кристины или в день ее собственного рождения. В прошлом году он был на Филиппинах и связался с ней по телефону (не без помощи своего секретаря), чтобы поздравить дочь с пятилетием. Еще она смутно помнила одну вечеринку, когда ей исполнилось пять или шесть и они праздновали в

контактном зоопарке. Джемма тогда плакала, ведь мама не позволяла ей близко подходить к клеткам, опасаясь, что она подцепит какую-нибудь инфекцию.

После обеда начали прибывать гости, и она ненадолго забыла о Хэвене, о бедном Джейке Витце, который погиб, пытаясь выяснить правду об институте и Еловом острове. И даже забыла о чувстве, что она, словно сомнамбула, бессознательно проживает чужую жизнь. Ее родители нередко устраивали вечеринки. Чаще всего в поддержку одного из фондов, которыми занималась Кристина. Среди них были «Срединно-Атлантический фонд профилактики рака груди», «Природный парк Северной Каролины», Конно-спортивный и Садовый клубы. Или они устраивали политические ужины в честь какого-нибудь кандидата, которого поддерживал Джефри. Эти мероприятия всегда были очень официальными и до смерти скучными, поэтому Джемма обычно держалась в стороне или торчала на кухне: таскала у официантов кусочки нежного филе-миньон и пристально следила за тем, сколько раз Кристина появлялась на кухне, чтобы тайком наполнить стакан.

Но это была самая что ни на есть настоящая вечеринка.

Выбранная тема, Гавайи, намекала на бар, в котором Кристина работала после колледжа, где они и познакомились с Джефом. Он любил повторять, что она была единственной девушкой, которая так роскошно выглядела в юбке из травы. Всего пригласили около пятидесяти друзей, включая обеих мам Эйприл, которые поверх обычной одежды нацепили лифчики из кокоса. Мама Диана работает программистом и разрабатывает системы обнаружения вредоносного ПО для больших компаний, и Джемма вряд ли раньше видела ее при свете дня. Вторая мама Эйприл, Анжела Руиз, – прокурор штата. Странно было видеть их разгуливающими с гирляндами на шеях и коктейлями в руках, в то время как Эйприл намеренно оделась во все строгое и черное. Джемме вновь показалось, что она смотрит на мир вверх тормашками, словно пытается сделать колесо.

– Похоже, кто-то забыл, что стареть нужно элегантно, – пробубнила ее подруга, стаскивая зубами оливки со шпажки для канапе.

А Джемме это казалось забавным. Друзья родителей в нелепых рубашках и коронах из пластиковых цветов напивались Пина коладой и ромовым пуншем.

Кристина предложила ей пригласить Пита, и он, само собой, не пренебрег дресс-кодом. Парень гордо заявил, что отхватил свою чудовищно-кричащую гавайскую рубашку с приличной скидкой в магазине на заправке. Она демонстрировала его красивые, загорелые, в меру мускулистые руки, а глазам придавала богатый оттенок настоящего шоколада.

На арендованном гриле дымились ребрышки, а расторопные официанты в соломенных юбках поверх джинсов предлагали гостям ветчину с медом и поджаренными ананасами, а также креветки в кокосовой глазури. Взрослые уселись играть в бочче[4 - Бочче – спортивная игра на точность, от итальянского «bosse», что в переводе означает «шар».], но Джемма и Эйприл вскоре начали выдумывать собственные правила, чтобы не учить существующие.

Джемма решила, что на вечеринке сможет спросить подругу, удалось ли взлезть в компьютер Джейка Витца. Эйприл была уверена, что Диане ничего не стоит взломать пароль, поэтому она заранее придумала подходящий предлог. Сказала матери, что нашла ноутбук в библиотеке и нужно войти в систему, чтобы найти данные о хозяине и вернуть его.

В последнее время постоянное уныние Джеммы раздражало Эйприл, и в итоге подруга пригрозила ей ударом в печень, если она не изменит своего настроения. Это было десять дней назад. Джемма думала, что на празднике, когда все они будут расслаблены, будут наслаждаться происходящим, она сможет доказать Эйприл, что вовсе не помешалась, как та считает, и сможет завязать с ней дружеский разговор.

Но Джемма не могла. Впервые за многие недели она действительно чувствовала себя нормальной и по-настоящему счастливой. Ни Пит, ни Эйприл не смотрели на нее так, словно ей угрожала опасность или она могла на их глазах превратиться в дикое животное. Кристина и Джеф танцевали на виду у всех. Солнце почти зашло, из сгущающейся темноты в воздух поднимались светлячки.

Пит положил руки на ее талию и мурлыкал в шею, подпевая дурацким мелодиям из восьмидесятых, которые до сих пор обожали ее родители. Джемма ощущала его теплое дыхание. Небо казалось бесконечным, звезды ярко мерцали, и, хоть мир сегодня был необыкновенно большим, Джемма чувствовала себя в безопасности.

В эту секунду она подумала, что, возможно, всего лишь возможно, ей действительно стоит забыть обо всем. Эйприл права, у многих было дерьмовое детство. И Пит прав. То, что произошло в Хэвене, слишком серьезно, чтобы они могли повлиять на ход событий. Лира и Орион теперь имели крышу над головой. И ее отец пообещал, что раздобудет для Ориона документы, чтобы тот мог существовать официально и жить спокойно. Они не пытались связаться с ней. Ни разу не позвонили за все время. Может, у них все и правда наладилось. Может, они тоже хотели обо всем забыть.

А если они смогут, то справится и она. Забудет, где и как ее произвели на свет. Забудет об Эмме, своей маленькой потерянной тени. Возможно, от нормальной жизни ее отделяет только решение жить нормально. Нужно просто примерить на себя эту идею, словно свитер натянуть.

Впрочем, стоило бы уже понять, что простых путей в этой жизни не бывает.

Пит отошел, чтобы полюбоваться на гвоздь вечеринки – запеченную целиком свинью, которую пронесли через толпу гостей в сопровождении специально нанятых по случаю гавайских танцоров, умело виляющих бедрами. Но он очень скоро вернулся. Волосы сладко пахли дымом, а рука, когда они переплели пальцы, оказалась теплой. На его шее, руках и даже голове красовались многочисленные цветочные гирлянды.

– Пойдем со мной, – позвал он.

– Куда? – спросила Джемма.

– Туда, где мы будем одни, – прошептал Пит ей прямо в ухо. Его глаза казались яркими и блестящими, словно зеркала.

Ее желудок подпрыгнул, но не так, как обычно, когда они целовались и она ощущала, что ее захлестывает внезапная паника, как на американских горках, когда чувствуешь восторг от того, что вот-вот произойдет нечто прекрасное.

Он увлекал ее за собой вверх по лестнице по направлению к раздвижным дверям. К счастью, все друзья ее родителей уже хорошенько подвыпили и были способны лишь сонно махать им вслед. Бернис, которая суежилась на кухне, подмигнула Джемме.

После теплого и влажного воздуха снаружи холл казался еще прохладнее, чем обычно. Когда Пит прижал ее к стене, чтобы поцеловать, она ощутила, что его пальцы и волосы пахнут углем. В эту секунду она не чувствовала себя монстром, не думала о том, что она некрасива и плохо сложена. Джемма просто сделала шаг ему навстречу. Пит положил руки на ее талию, затем провел вверх по животу и остановился на груди.

Дверь в ванную была открыта, и Джемма услышала визгливый женский голос. Кажется, Мелани Экерт, одна из маминых подруг по клубу, здорово накидалась.

– Я же говорила, что если она переборщит с филлером, станет похожей на тыкву. Нет, ты ее видела вообще?

Джемма быстро пересекла холл и, открыв дверь, ведущую в подвал, буквально втолкнула туда Пита, опасаясь, что Мелани может их увидеть. Секунду они неподвижно стояли, задыхаясь от беззвучного хихиканья, а потом голос Мелани стих.

– Ты собираешься меня здесь убить? – прошептал Пит в темноту и прижался губами к ее шее.

Она знала, что он шутит, и все же в ее памяти возник образ Джейка Витца. В последний раз она видела его стоящим в дверях, преграждающим проход, чтобы предупредить ее. Уберечь. А теперь Джейк мертв. Хорошо, что Джемма не видела тела. Она как-то читала, что повешенные иногда давятся собственным языком или ломают ногти, пытаясь ослабить веревку.

Она включила свет и немного успокоилась, увидев привычные, покрытые ковром ступени, ведущие вниз, в подвал.

– Ты хотел остаться вдвоем, – она взяла Пита за руку, пытаясь вернуть то чудесное чувство, которое владело ею еще минуту назад.

Подвал служил местом хранения пыльной старой мебели. Здесь валялись ракетки для настольного тенниса, грязный бильярдный стол (второй стол, получше, отец держал в кабинете наверху), старые игрушки. Металлические полки, наподобие тех, что бывают в библиотеках, были забиты большими

бутылками с водой, упаковками туалетной бумаги, ящиками с консервированным супом и кетчупом в таком количестве, что хватило бы наполнить ванну.

– Ничто не создает такого романтического настроения, как гигантские запасы туалетной бумаги, – сказал Пит, и Джемма засмеялась. – Вы, типа, так готовитесь к концу света, что ли?

– Уже подготовились. Если вдруг ты не заметил, мой отец тот еще чудак.

Она повела его между полками, все дальше углубляясь в подвал, который напоминал маленький город из упаковок сухих завтраков и коробок мыла «Дав». И, несмотря на запах плесени, яркий верхний свет и дешевый серый ковролин, который родители ни за что бы не положили в любой другой комнате, Джемме, державшей за руку Пита, это место казалось самым прекрасным в мире.

Они снова начали целоваться: сначала стоя, а потом, когда Пит прижал ее к стене, едва не опрокинув одну из полок, они вместе повалились на пол. Он оказался сверху. Все ее тело горело и превратилось в дыхание, в ритм их общих вдохов и выдохов. Он стащил с нее рубашку и теперь боролся с застежкой лифчика. Впервые Джемма ни о чем не переживала и не размышляла о том, как далеко они зайдут. Когда прохладный воздух коснулся ее сосков, он отстранился, чтобы посмотреть на нее. За длинный шрам в форме буквы «у» на груди ее прозвали в школе Франкенштейном.

– Ты прекрасна, – сказал он, мягко касаясь шрама большим пальцем. И она поверила. Ее переполняло счастье. Несколько недель назад кто-то бросил в ее окно маску Франкенштейна. Теперь она знала, что это предупреждение исходило от отца Лиры, Рика Харлисса, но тогда она решила, что послание исходит от Хлои Девитт и ее волчьей стаи.

Но, может, все вокруг носят маски. И никого нельзя считать абсолютно нормальным.

А может, она правда красивая.

Джемма хотела его. Желание было настолько велико, что могло сжечь ее дотла в любую секунду. Она повиновалась одному-единственному инстинкту: ближе, еще. Она ослабила его ремень и стянула джинсы. Это получилось так легко и

естественно, будто Джемма всю жизнь тренировалась, или эти знания все время хранились в кончиках ее пальцев.

Внезапно дверь подвала распахнулась, и на лестнице послышались шаги.

– Рад, что ты смог прийти. Я думал, что ты уже вернулся в город...

Голос отца. Везет как утопленникам. Раньше она ни разу не видела, чтобы отец вообще заходил в подвал.

– Черт! – Пит отстранился, и ужас, написанный на его лице, показался Джемме забавным. – Черт!

Он сел. От разочарования ее пальцы снова сделались неуклюжими и деревянными. Она с трудом застегнула лифчик и только со второй попытки смогла правильно надеть рубашку. К счастью, они были скрыты от посторонних глаз несколькими рядами полок, хотя все же могли видеть лестницу сквозь калейдоскоп нагроможденных коробок и ящиков.

Ален Фортнер, военный, давний приятель ее отца, на секунду оказался в поле зрения, и у Джеммы зародились неприятные подозрения. Фортнер работает на ФБР. Они уже много лет не виделись с отцом.

Так почему же он оказался здесь сегодня, в день рождения ее матери?

– ...не был уверен, на чьей ты стороне, – произнес Фортнер. – Трейнор и подумать не мог, что ты займешь такую позицию.

– Трейнор идиот, – отрезал Джеффри. Они исчезли из виду, но слышно их было очень хорошо. – Кроме того, это не вопрос лояльности. Это касается будущего роста.

Пит попытался встать, но Джемма жестом остановила его.

– Ты не боишься, что могут пойти слухи? – спросил Фортнер.

– Сегодня пятидесятилетие моей жены. Ты – наш старый друг. Какие слухи могут пойти? – ответил отец. – Ты же не думал, что мы и впрямь пригласили тебя ради печеного поросенка?

Во время повисшей после этих слов длинной паузы все хорошее настроение Джеммы улетучилось. Она осознала, что этот разговор между Фортнером и ее отцом, скрытыми за грудками старой мебели и рулонами туалетной бумаги, и был настоящей причиной гавайской вечеринки, костюмов, музыки, ветчины в меду и восторга ее матери.

Вечеринка служила всего лишь прикрытием.

– Ладно, – наконец произнес Фортнер. – Тогда говори.

Джеф ответил немедленно:

– Я знаю, где они.

Фортнер молчал.

– Объекты. Те, что пропали.

Сердце Джеммы лопнуло, словно проколотый шарик.

– Господи. Прошло уже три недели.

– Ваши парни потеряли след. А я нет.

– Мы не потеряли след, – раздраженно ответил Фортнер. – Мы решали неотложные проблемы. – Гражданское население, утечка информации...

– Конечно. Харлисс. Я в курсе.

Пит пошевелился рядом с ней и задел коленом полку с дюжиной бутылок воды. Они качнулись, но не упали. Джемма задержала дыхание.

Но ни Фортнер, ни ее отец ничего не заметили и продолжили разговор.

– Так это ты его вытащил, – догадался Фортнер. Он ходил из угла в угол и время от времени оказывался на виду. Через полки, забитые елочными игрушками и старыми сувенирами, она видела, как тот потирал рукой челюсть. Он походил на робота, запрограммированного воспроизводить лишь ограниченное количество движений. Когда он снова заговорил, голос казался усталым. – Я должен был понять.

– В этом твоя главная проблема, Ален. У тебя нет связей на местах. Парень из полицейского участка в округе Алаквэ играл со мной в баскетбол в Вест-Пойнте. Это было легко.

– Почему сейчас? Почему не раньше?

Снова тишина. Джемма почувствовала, как пот струится по ее спине. Она сидела на корточках все это время, и ее бедра уже начали дрожать от усталости.

– Я обещал дочери, – наконец ответил Джеф. Джемме показалось, что эти слова донеслись до нее откуда-то сверху, словно она сидела на дне глубокого колодца.

Но Ален Фортнер явно не купился на это.

– Да ладно, – сказал он. – Ты это несерьезно.

– Я пообещал ей, что не трону их, – продолжил отец. – И сдержу свое обещание. Для этого и нужен ты и твои ребята. Я хотел убедиться, что команда в Филадельфии готова. А еще я разузнал кое-что в центре, прощупал почву. С Саперштайном покончено, даже если он сам не хочет этого признавать. Но это не значит, что самой технологии больше не будет. Я поговорил с Миллером, и он думает, что мы готовы к большому скачку.

Пит взял Джемму за руку. Она отстранилась, до боли сжав кулаки. Вся ее жизнь была сплошной ложью, которая все множилась и множилась, отравляя ее.

И Джемма боялась заразить его.

– Какова конечная цель? – спросил Фортнер. – Говори быстрее. Твоя жена ждет торта и финальной песни.

Это могло бы убить ее. Но она все еще дышала. Просто невероятно, что она могла пережить столько маленьких смертей.

– Все просто. Контракт должны получить мы.

Через полки Джемма время от времени видела отца в его гавайской рубашке. Все напоказ.

– В три раза больше и с измененными задачами – по меньшей мере, частично. Медицинский аспект, конечно, сохранится. Здесь в игру вступают Миллер и наши друзья в Конгрессе. Конечная цель – уменьшить затраты и запустить массовое производство. Саперштайн десятилетиями пускал деньги на ветер. Его взгляды были слишком узкими, а производство маленьким.

– Мы получали жизнеспособные варианты. Получали результаты исследований.

– Вы получили миллиарды долларов, спущенных к чертовой матери в трубу, кучу проблем на свои задницы и скандал в прессе на весь Вашингтон. Да ладно тебе, Ален. Ты знаешь не хуже меня, что у Саперштайна был лишь идеологический интерес, не коммерческий. Он просто хотел доказать, что может сварганить эти тестовые объекты из ничего.

Сварганить из ничего. Джемма едва не подпрыгнула на месте. Сварганить. Словно тесто для блинов или замок из конструктора Лего.

Во время паузы Фортнер прочистил горло.

– Продолжай.

– Я скажу тебе, где они. И все довольны и счастливы. Беспорядок устранен, проблем нет, движемся дальше, – Джеф облокотился на старый телевизор, который раньше стоял наверху. Вид у него был почти скучающий. – Это как играть в солдатиков. Только подумай, сколько жизней мы спасем.

Фортнер снова затих. Сердце Джеммы наполнялось и снова пустело, словно ведро, из которого выливают воду. Ей казалось, что она тонет.

– Говоришь, обещал дочери, – наконец проговорил Фортнер. И от одного этого слова Джемма внутренне сжалась. – Почему ты изменил планы?

– Я сдержу обещание. Лично я не причиню им никакого вреда. Кроме того... – он поднял руки перед собой. Джемма хорошо знала этот жест. Обычно он сопровождался словами типа «какая разница, Кристина, салат со шпинатом или рукколой? Все это просто безвкусная кроличья еда». – Какая разница? Что изменилось бы, скажи я раньше? Я знал, что Саперштайн сам себя погубит. Хэвен доказал свою нежизнеспособность. Миллиарды долларов пошли псу под хвост, а разгребать предстоит столько, что тысяче антикризисных менеджеров не справиться и за десять лет.

– Где? – спросил Фортнер.

Долю секунды Джемма позволила себе надеяться, что отец все же солжет.

– Я поселил их в трейлерном городке на одном из моих участков. Винстон-Эйбл, в сторону от трассы сорок. Участок шестнадцать. Недалеко от Ноксвилла. Даже и не помнил о том, что владею этой ерундой, пока федералы не упомянули в апреле.

Фортнер засмеялся. Звук получился такой, словно кот подавился шерстью.

– Потянул за ниточки и устроил ее отца на «Фармасин Пластикс». Слышал о них?

Фортнер вздохнул.

– Я поговорю со своими ребятами. Посмотрим, за какие ниточки я смогу потянуть.

– Уверен, что ты все устроишь. Саперштайн сам вырыл себе могилу. Он не слушает. Это новый век, Ален. И у нас есть шанс изменить мир. ИГИЛ, Талибан, Аль-Каида и другие... Все играют по новым правилам.

– Кому ты это объясняешь...

– Они промывают мозги своим смертникам, мы могли бы просто создать своих.

– Я же говорю, ты не тому объясняешь. Но я постараюсь донести это до кого нужно.

– Я верю в тебя, – саркастически ответил Джеф.

Джемма потеряла нить разговора, но это уже не имело значения. Главное она поняла: отец предал Лиру и Ориона. Предал ее, нарушив обещание. Надо было сразу догадаться, что так и будет.

Наконец Фортнер и Джеф направились к лестнице. Джемма едва не заплакала от облегчения. Ее ноги совсем онемели.

Но в последнюю секунду Фортнер замешкался. Когда он обернулся к своему спутнику, она увидела его лицо, холодное, узкое и длинное, как восклицательный знак. Затем он снова исчез из виду.

– Твоя дочь, – произнес он. Кровь застыла в жилах у Джеммы. – Ее тоже сделали в Хэвене. Одной из первых, – это не было утверждением, но Джемма уловила второй смысл этих слов, скрытый вопрос, словно нож, зажатый в кулаке.

– Да, она родилась там, – ответил отец. И она почувствовала, как важно было это исправление. Не «сделана», а «родилась». Но какая разница? Изготовлена, произведена, синтезирована, селекционирована. С таким же успехом она могла бы быть сортом быстрорастущей фасоли.

Фортнер кашлянул.

– А ты когда-нибудь задумывался, в чем разница?

Джеф ничего не ответил.

– Ты хочешь использовать реплики для серьезных целей, и я тебя в этом поддерживаю. Но чем они отличаются от твоей девочки?

– В чем между ними разница? – холодно повторил Джеф. – В том, что она кому-то нужна.

Кому-то. Джемма отметила про себя, что он не сказал «мне».

Глава 4

Вечеринка продолжалась, само собой. Они провели в подвале около часа. И все же Джемма почему-то ожидала, что найдет на месте вечеринки лишь руины, что все вокруг в одночасье превратится в пепел, словно Помпеи в свой последний день. Джемма не удивилась бы, найди она комнаты опустевшими и заваленными ветошью, а друзей семьи превратившимися в скелеты вследствие природного катаклизма или магического воздействия.

Теперь она видела все в истинном свете. Сладкой лжи придают подобающую форму, а потом громоздят их одну на другую, создавая изящный песчаный замок, подрагивающий на кромке волны. Гирлянды из цветов, гости, яркие коктейли, раскрашенные в цвет заката, – все это ради того, чтобы ее отец мог встретиться и поговорить с Фортнером. Даже торт – все то же дерьмовое вранье. Ведь ее мать ест только правильные, низкокалорийные продукты с высоким содержанием белка и без ГМО.

Все они просто играли свои роли, и Джемма вместе с ними.

Опять.

– Джемма. Джемма!

Пит наконец догнал ее. В воздухе мелькали светлячки. Кто-то зажег фонарики. Даже огонь может быть красивым, пока его держат под контролем. Джемма была поражена, каким искусственным казалось ей все вокруг: игра света и тени,

женщины в ярких платьях. Словно вот-вот упадет занавес и рабочие сцены примутся передвигать декорации. Она заметила родителей в центре группы танцующими, и ее затошнило. Как беззаботно они танцуют, в то время как за сценой безликая толпа готовит новые иллюзии для публики.

– Поговори со мной, – попросил Пит, коснувшись ее лица. – Прошу.

Но Джемма не успела ответить. Ее окликнула Эйприл. Она вынырнула из толпы внезапно, словно появилась из-за кулис.

– Где ты была? Я тут разговаривала с... – Она увидела лицо Джеммы и замолчала. – Что с тобой? Что стряслось?

– Отец лгал мне, – сдавленно ответила Джемма. – Он сдал Лиру и Ориона.

– Сдал? – медленно повторила Эйприл, словно боялась неправильно понять. Джемма почувствовала внезапный приступ ярости.

– Я непонятно выражаюсь? Сдал. Предал. Продал, – ей хотелось кричать. Или схватить один из фонариков и спалить все к чертовой матери. – У Хэвена проблемы из-за утечки информации. А они могут стать главным источником. Так он сказал.

Хуже всего то, что она даже не могла как следует разозлиться на отца. Он всегда был лжецом, так что обманывать для него вполне естественно.

Это она повела себя как идиотка. Поверила ему.

Эйприл бросила быстрый взгляд на Пита. Такой быстрый, что Джемма едва не пропустила его.

– Мне так жаль, – она протянула руку, то ли чтобы коснуться ее плеча, то ли погладить по голове, но Джемма быстро отступила.

В одно мгновение она сама превратилась в фонарик, пылающий гневом и негодованием.

– Тебе жаль?

Как будто это что-то меняло. И на этом все. Конец истории. Хоть и грустный. Как будто кто-то украл у Джеммы любимую игрушку.

– Ты точно понимаешь, что это значит? Ты помнишь, как они избавились от Джейка Витца?

– Тише, – попросил Пит, хотя вряд ли это имело значение. Все вокруг были настолько пьяны, что она могла хоть кричать.

Джемма резко отвернулась и быстро зашагала прочь, скользя по траве, слишком злая, чтобы смотреть в глаза своим друзьям. Но Пит и Эйприл тут же снова приблизились к ней. Пит попытался взять ее за локоть, но она стряхнула его руку.

– Джемма, пожалуйста, – попросил Пит. – Давай ты... Давай мы все просто немного успокоимся, остановимся и подумаем.

Но она не могла остановиться. На это не было времени. Она закрыла глаза и сразу увидела перед собой Джейка Витца, его совершенную улыбку, завораживающее спокойствие его взгляда, словно он был источником гравитации, помогающей тебе удержаться на своем месте. Но воспоминания о нем уже тускнели в ее сознании. Слишком часто теперь он приходил к ней в кошмарах и представлял совсем в другом образе: полумертвый, воплощающий в себе все, что она когда-либо слышала о повешенных, с распухшим вывалившимся языком.

Она снова побежала по скользкой траве и едва не вывихнула ногу, когда ее ступня провалилась в рыхлую почву. Тогда Джемма сбросила сандалии и продолжила свой путь, даже не потрудившись их поднять. У нее не было плана. Она не знала, что делать, ведь у Фортнера были весомые преимущества, в том числе в плане времени, но Джемма точно знала, что нельзя останавливаться, нужно спешить, чтобы убежать от зловещего безжизненного лица Джейка и образов Лиры и Ориона, вращающихся по орбите вокруг него и рискующих в любую минуту занять его место. Пит и Эйприл легко могли бы догнать ее, но она первой оказалась на узкой тропинке, ведущей из внутреннего двора, которая так заросла, что им волей-неволей пришлось отстать. Они были всего лишь в

паре шагов от нее, но она слышала их отдаленно, фоном, как обычно слышала приглушенное пение птиц по утрам.

– Господи, Джемма, ты можешь подождать хоть секунду?

– Может кто-нибудь наконец объяснить мне, какого хрена произошло?

Джемма выбралась из зарослей азалии. Машины на парковке напоминали стоп-кадр из фильма, где вот-вот должна произойти катастрофа. Но прежде чем она успела добраться до подъездной дорожки, Пит схватил ее за руку.

– Блин блинский, – он почти кричал. Никогда раньше она не видела его таким разъяренным, и маленькая отдаленная вспышка любви к нему на секунду затмила ее собственную боль. Пит ведь мастер таких ругательств. – Ты можешь поговорить с нами хоть минуту. Ты можешь нас послушать?

Но это слово, «нас», мгновенно погасило вспышку. Эйприл и Пит были на одной стороне, что означает, Джемма оставалась на противоположной. Одна.

– Что, – спросила она, – ты хочешь, чтобы я послушала? Ну же, давай, выскажись, – потребовала она, потому что он молчал.

Среагировав на их движения, зажегся прожектор, и в его свете Пит вдруг показался ей таким отчаявшимся и вымотанным, что Джемме на секунду стало стыдно. А потом она снова вспомнила про расклад «двое против одного». Всю жизнь ей казалось, что она играет в чью-то чужую игру и может лишь пытаться угадать правила. Раньше, по крайней мере, Эйприл была на ее стороне. И Пит.

Но, обнаружив всю правду о себе самой, она оказалась навсегда отделена от них. И это просто данность.

Эйприл выскочила из кустов с таким видом, будто каждый сантиметр пути ей пришлось отвоевывать. К волосам, рубашке и обуви прилипли листья.

– Я не буду, – задыхалась она, – спрашивать, – еще один судорожный вдох, – снова. – Но спросила: – Какого. Черта. Происходит?

Пит отвел глаза, и от этого Джемму сразу затошнило. Видимо, он собирался сказать что-то, что ей явно не понравится.

– Лира и Орион в беде, – ответила она, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. – Я должна им помочь. Это все моя вина, разве вы не понимаете? Я втянула их во все это. Я привела их к отцу. Если с ними что-то случится, – она замолчала, не в силах закончить фразу.

В ее кошмарах Джейк разговаривал с ней, несмотря на веревку на шее. Ей снилось, что они снова на болотах. И по языку Джейка ползали жуки, когда он открывал рот.

Может, если бы она не явилась тогда просить у него помощи, он все еще был бы жив.

– Ты тут ни при чем, – сказала Эйприл. – Ты же не знала!

– Тогда, будем надеяться, я получу троечку с минусом за старания.

Пит наконец повернулся к ней, но лучше бы он этого не делал. Его губы вытянулись в тонкую линию, напоминавшую застегнутую молнию.

– Если, как ты говоришь, военные взяли след Леры и Ориона, ты не сможешь им помочь. Ты сама в опасности.

– Я не могу помочь, но я могу предупредить их. Дать им фору.

– Как? – Голос Пита теперь звучал резко. Бам, бам, бам. Каждое слово – как удар. – У тебя даже машины нет.

– Ты и водить-то не умеешь, – добавила Эйприл.

Это был удар ниже пояса. Родители не разрешили Джемме пойти учиться вождению. Это было одно из тех правил, которое помогало им держать ее под стеклянным колпаком. Как одну из чертовых балерин, что кружатся в центре снежного шарика.

– Я поеду на автобусе, – отрезала она и снова зашагала в сторону, так что Питу и Эйприл пришлось поспешить за ней.

– Ты не знаешь, как туда добраться, – напомнил парень. – Уже почти одиннадцать. Тебе небезопасно ехать одной. Да и вряд ли автобусы круглосуточно ходят в это Рококо.

– Рончоуо. Поеду автостопом. На велике. Или на лошади, – в горле у Джеммы пересохло. Отвернувшись, она яростно терла глаза запястьями.

– Господи, Джемма! Только послушай себя! Ты же не думаешь, что говоришь, – он не кричал, ничего подобного. Не то что ее отец. И все же Джемма остановилась, словно наткнувшись на невидимую скалу.

– Если военные или федералы, да кто угодно, пытаются замести следы... Если им нужно убить людей, чтобы скрыть правду, ты тоже под угрозой. Ты всегда была в опасности, но теперь ты просто ходячая мишень. Я не... – Его голос сорвался. – Я не собираюсь снова тобой рисковать, ясно? Ни ради Лиры. Ни ради Ориона. Ни ради кого в этом гребаном мире. Этого не будет.

И тогда она заплакала. Попытаться не плакать было все равно что стараться удержать воду, стиснув ее в кулаке. Она плакала и плакала, а потом выдохнула:

– Как ты не понимаешь... Я должна сделать хоть что-то. Я должна им помочь. Они со мной. Такие же, как я...

Больше она не смогла ничего сказать. Нахлынувшее отчаяние и страх затуманили ее сознание и превратили все слова в ускользающие миражи. В доме завыл Руфус, словно не хотел, чтобы она ревела одна. Джемма думала, что будет рыдать, пока не утонет в слезах, но внезапно она почувствовала странное давление, будто чье-то невидимое присутствие. Словно кто-то бесплотный вдруг пришел и, положив руку ей на плечо, прошептал «все хорошо». Она узнала голос Эммы. Той самой, первой, настоящей. «Все будет хорошо».

Пит приблизился и положил руку на ее спину.

– Все хорошо, – сказал он, и она обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Слова Эммы унесло ветром. – Я отвезу тебя.

Лицо Эйприл, стоявшей за его спиной, выражало беспокойство, но спорить она не стала. А Питу даже удалось улыбнуться. Он больше не злился.

– Мы тоже с тобой, понимаешь, – сказал он. – И всегда будем с тобой. Если ты позволишь.

Он провел пальцем по ее губам, оставляя на них вкус дыма.

Глава 5

Трейлерный парк Винстон-Эйбл располагался примерно в сорока минутах езды от Ноксвилла. Чтобы добраться до места, им предстояло провести в дороге около шести часов. Окна были открыты, радио выключено. Большую часть времени они провели в молчании. Лишь однажды Пит спросил, не будет ли она против остановиться и выпить кофе.

Дорога, напряжение, ветер, шелестящий кронами молодых деревьев вдоль дороги, и лобовое стекло, в котором отражался свет фар, – все это создавало причудливую иллюзию. Казалось, они попали в какую-то временную петлю и вернулись в тот самый день, три недели назад. Джемма безуспешно пыталась уснуть. Каждый раз, когда на дороге им встречались полицейские, она подпрыгивала на месте. Джемма сказала матери, что останется у Эйприл, а Пит соврал своим родителям, что переночует в одной из многочисленных гостевых комнат Ивзов. Эйприл же, несмотря на громкие протесты, отправилась домой, чтобы прикрыть подругу, если Кристине заблагорассудится позвонить ей домой прежде, чем Джемма вернется. Мама Эйприл давно уже уехали с вечеринки, поэтому ее выдумка не должна была открыться слишком быстро. И даже в худшем случае Джемма надеялась, мама решит, что она солгала, чтобы провести ночь с Питом. Кажется, Кристина давно уже их подозревала, или, по крайней мере, надеялась.

И все же возможно любое развитие событий. Подозрения могут возникнуть и у отца. Он мог связаться с друзьями из силовиков или из дорожной полиции. Кто знает, может, они уже колесят по темным дорогам, разыскивая ее, чтобы вернуть домой. Мир ее отца представлял собой паутину, где каждый был связан с другим взаимными одолжениями, подковерными делишками, контрактами, альянсами и – сильнее всего – деньгами.

Джеффри был пауком, а людишки вроде нее самой, Леры и Ориона были для него мухами.

Было почти шесть утра, когда они увидели дорожный знак, указывающий на въезд в городок Рончоуо. Его претензии на известность мог подкрепить лишь факт наличия крупнейшего частного завода по производству пластика. Воздух был отравлен химическим дымом и имел особую осязаемую текстуру. Сумерки начали рассеиваться. Джемма помнила, что брат отца, дядя Тед, помог реструктуризировать долг округа Нокс. И все же она была удивлена, увидев торговый центр с салоном красоты, винным магазином, банкоматами и небольшим банком, носящим в качестве названия ее фамилию.

Теперь во всем этом появился смысл. Больше всего на свете братья Ивз любили собственность.

Трейлерный парк располагался в самом конце длинной и грязной дороги, отчаянно нуждающейся в ремонте. Они ехали так медленно, словно колеса вообще не вращались. Все тело Джеммы зудело от нетерпения и страха, словно она была одета в огромный колючий шерстяной носок. Никаких признаков присутствия Фортнера или его подручных не наблюдалось. Других машин на дороге не было. Каких-нибудь незнакомцев, шныряющих в предрассветных сумерках, она тоже не заметила. Впрочем, это ничего не значило. Люди типа Фортнера работают быстро, тихо и чисто.

По крайней мере, большинство из них.

Что, если они опоздали?

В тысячный раз она задумалась над тем, почему Лира ни разу ей не позвонила, и пожалела об этом.

Джемма попросила позвонить ей сразу же, как только они обзаведутся телефоном, и провела много часов, не сводя глаз с дисплея, словно усилием воли могла заставить его зазвонить.

Похоже, трейлеры были разбросаны по пыльным грязным улицам в произвольном порядке. Отец сказал, что Ивзам принадлежит лот номер шестнадцать, значит, безымянный участок между пятнадцатым и семнадцатым, возможно, именно тот, что им нужен. Но затем Джемма заметила на площадке перед трейлером детские пластиковые игрушки. Это не он.

И все же они выбрались из машины, двигаясь медленно и тихо, чтобы никого не спугнуть. Джемма не была настроена на разборки с местными. Кроме того, вполне возможно, за ними кто-то следил. У паука восемь глаз – достаточно, чтобы одновременно видеть во всех направлениях. А у людей сотни глаз, даже тысячи.

Услышав лай собаки, Джемма испытала некоторое облегчение. До того момента было так тихо и спокойно, что казалось, они все же опоздали и военные зачистили весь район.

Она развернулась, чтобы шикнуть на собаку, и заметила движение у скрытого за кустами потрепанного белого трейлера, расположенного через улицу. Кто-то выскользнул из дома (сначала Джемма не поняла, девушка или парень – было слишком далеко) и обернулся, чтобы закрыть дверь.

Но стоило фигуре двинуться по дороге, Джемма ее узнала.

– Лира, – произнесла она. Получилось хрипло, ведь они молчали много часов. – Это Лира.

Они бросились в погоню. Девушка уже удалялась от них, низко опустив голову, словно опасалась слежки. Знала ли она о подстерегающей опасности? И куда делся Орион? Должно быть, она слышала их шаги, потому что вдруг резко обернулась. Руки на лямках рюкзака, локти расставлены в стороны, словно маленькие крылья.

– Лира, – Джемма почти задыхалась, хотя они не пробежали и сотни футов. Девушка оказалась еще красивее, чем она запомнила. Забавно, у Леры были

накрашены глаза. Довольно ярко. Блестящими дымчато-лиловыми тенями. Такими Эйприл красила Джемму, когда «оттачивала свое мастерство». Еще она покрасила волосы в платиновый блонд. И набрала вес, которого ей так не хватало.

– Что вы здесь делаете? – Как обычно, Лира не улыбнулась и не выказала ни капли удивления.

Хоть Джемма и собиралась предостеречь ее, она не могла вымолвить ни слова. Не могла признаться, что все обещания ее отца оказались ложью.

Поэтому вместо нее заговорил Пит.

– Вы в опасности, – сказал он. – Люди, которые убили Джейка Витца, охотятся за тобой и Орионом. Они уже, должно быть, недалеко отсюда.

Лира даже не моргнула.

– Я знаю, – ответила она. – Они уже были здесь.

Сердце Джеммы ушло в пятки.

– Что с Орионом?

– Его нет, – закончила Лира, немного поморщившись, словно это слово имело непривычный для нее вкус.

Мир вокруг них неожиданно сжался. Даже воздух стал слишком тяжелым и плотным, чтобы дышать им.

– Он... он у них?

Лира покачала головой, быстро и резко, словно животное, отгоняющее мух.

– Он ушел раньше. А я увидела их и спряталась. Потом они уехали.

– Они вернутся, – сказала Джемма.

Она слабо понимала, о чем говорит Лира. Орион ушел, но не с военными, а Лира осталась одна. Зато она была уверена, что подручные отца еще вернутся.

– Они могут появиться в любую секунду. Ты должна поехать с нами.

– Я не могу, – резко отозвалась Лира. – Но спасибо. Я буду осторожна.

Она отвернулась и зашагала прочь. Джемма была в таком смущении, что пару секунд просто смотрела ей вслед. Затем ее внимание привлек красный рюкзак Лир, набитый вещами. Куда она могла направляться? В шесть утра? И где ее спутник?

– А где Орион сейчас? – спросил Пит. Он снова был на одной волне с Джеммой, связанный с ней общей усталостью и напряжением. – Куда он ушел?

– Домой, – сказала Лира, будто эти слова имели смысл. – И я последую за ним.

– Ты, наверно, не понимаешь, – начала Джемма. Она уже ощущала на себе последствия бессонной ночи. Стоило закрыть глаза, как в темноте под веками вспыхивали яркие разноцветные огни. – Люди, которые сюда приходили, просто так не успокоятся. Они будут искать тебя.

– Они ищут Ориона и меня, пару. Они не ждут, что мы разделимся. И не думают, что мы можем так далеко зайти. Считают, что мы слишком глупы, – выражение ее лица на секунду изменилось. Так упавший в воду камень оставляет на воде недолгую рябь. – Кроме того, что нам еще остается?

– Ты можешь поехать с нами, – сказала Джемма. Но она чувствовала, что Лира уже не изменит решения, хоть и продолжала искать аргументы, чтобы ее убедить, цепляясь за последнюю соломинку. – Мы можем отвезти тебя куда-нибудь подальше. В Мейн. На побережье. В Канаду. Куда угодно.

– Я не поеду без Ориона, – просто ответила Лира.

– Ты даже не сможешь его найти, – настаивала Джемма. – Ты хоть знаешь, сколько людей в этой стране? Миллионы и миллионы.

Объяснять Лире, как велик и многолюден этот мир, было бесполезно. Ведь всего несколько недель назад ее мир был ограничен болотом и оградой и занимал территорию всего в пару квадратных миль.

– Но ты же сказала, что люди из Хэвена смогут нас найти.

– Это другое, – ответила Джемма. – Они сильнее, чем мы. Понимаешь? У них есть машины, дроны, деньги и друзья повсюду.

Лицо Лире снова изменилось. Некий поток смыл все эмоции, сделав ее абсолютно непроницаемой.

– Ты забыла, они нас кое-чему научили, – сказала она мягко и вкрадчиво, словно это Джемма многого не понимала.

Девушка тряхнула головой. Все ее тело пульсировало. Солнце поднималось все выше и слизывало тени.

– Быть невидимыми, – сказала Лира так тихо, что Джемма едва расслышала. Затем она улыбнулась. Пожалуй, Джемма впервые видела Лире улыбающейся, и эффект был впечатляющим, словно смотришь на луч солнца, проходящий через призму и распадающийся на целую радугу цветов. – Но спасибо. Правда.

– Пожалуйста, – попросила Джемма, – возьми хотя бы это.

Джемма достала свой дешевый пластиковый бумажник со смайликами. Эйприл шутики ради подарила ей его в девятом классе. В нем было около шестидесяти баксов, банковская карта, удостоверение личности и сложенная пополам записка, которую подруга дала ей в первый учебный день после летних каникул. «Этот документ удостоверяет, что мне все пофиг». И скатанная нитка в маленьком кармашке для монет, которую она оторвала от нового свитера Пита, когда тот в первый раз пришел в нем в школу.

Карточки можно получить заново, тем более на счете у нее всего пара сотен долларов. Даже удостоверение – не проблема, учитывая, что она не водит. Жалко было только нитку.

– Ты же знаешь, как пользоваться банкоматом? Сможешь снять деньги? Они тебе понадобятся. Пароль простой. Четыре-четыре-один-один. Запомнишь?

– Спасибо, – Лира снова улыбнулась. Затем она сделала кое-что забавное: положила обе руки на плечи Джемме. – Увидимся.

И все. Девушка отвернулась – и исчезла. По крайней мере, так показалось Джемме. На самом деле Лиру, конечно, было видно еще какое-то время, пока она пробиралась между машинами, направляясь к трассе. А потом ее скрыли заросли чахлых, отравленных деревьев. Солнце слепило настолько, что у Джеммы выступили слезы. Она могла бы побежать за Лирой. Умолять ее, кричать на нее, заставить поехать с ними.

Но она знала, что толку не будет. И не двигалась. Не могла дышать. И чувствовала, что они больше никогда не встретятся: Лиру уберут. Как Джейка. И Ориона тоже.

– Джемма, – Пит крепко сжал ее ладонь, словно боялся, что она вот-вот оступится и упадет. – Ты ведь попыталась, правда? Ты сделала все, что могла.

Джемма не ответила. Попыталась. Какое это имеет значение? Она ведь не смогла. И только это принимается в расчет.

– Ты не должна чувствовать вину, ясно? Ты не можешь ее спасти. И никого из них. Повтори это.

Она удивилась, когда он крепко обнял ее. Его рубашка все еще немного пахла дымом, а кожа – сладким пуншем, который они пили на вечеринке. И ей снова захотелось плакать. Но она поцеловала его ключицу через рубашку и еще раз, немного наклонив голову, – в шею.

– Я попыталась, – послушно повторила она. – Я не могу их спасти.

Слезы высохли так же быстро, как и нахлынули. Не то чтобы она верила этим словам, они просто потеряли всякое значение. Она ведь сказала Лире правду. Люди, которые борются против них, слишком велики и слишком сильны для них.

Джемма родилась по их воле, а Лира и Орион – умрут.

Рука страха, сжимающая ее горло все эти недели, наконец разжалась. Она почувствовала себя легко и свободно. Главная ошибка заключалась в том, что Джемма считала – у нее есть выбор.

Повсюду в мире царит зло. На одного честного человека приходится минимум трое отъявленных лжецов. Так какая разница? Одним больше, одним меньше. Теперь она даже сможет спокойно смотреть на отца.

– Поехали домой, – попросила она.

Впервые с того момента, как они ушли с вечеринки, Пит улыбнулся.

– Только теперь будем разговаривать в пути, – он поцеловал ее пальцы. Пит был счастлив и думал, что она тоже.

Ей не хватило смелости сказать ему правду. Да и незачем было. Счастье не бывает долговечным и не приносит дивидендов.

Так устроен мир.

Глава 6

Они были всего в нескольких милях от кучки потрепанных забегаловок с фастфудом, которые обозначали центр Рончоуо, когда увидели аварию. Большой грузовик столкнулся нос к носу с седаном под таким углом, что они полностью

перегородили дорогу. Водитель грузовика сидел в кабине с телефоном в руках. Женщина из седана ходила взад-вперед по дороге и, как только заметила Джемму и Пита, жестом попросила остановиться. Как будто у них был выбор.

– Не выходи из машины, – предупредила Джемма, когда Пит отстегнул ремень. – Должен быть какой-то другой путь.

– Она может быть ранена, – ответил он.

Джемма слишком устала, и ей было все равно. Она даже не чувствовала за собой вины.

– Все в порядке, – настаивала Джемма. – Она в состоянии ходить, видишь?

Женщина направилась к ним, делая Питу знаки, чтобы он опустил стекло. Он выполнил ее просьбу, и незнакомка наклонилась, чтобы заглянуть в машину. На ней была старая застиранная футболка. Взгляд ее темных глаз Джемме совсем не понравился. Они напоминали острые булавки, которые словно пытались приколоть вещи на свои места.

– Простите, что дергаю, – сказала она, – можете одолжить мобильник? У меня батарейка села, а этот парень явно не собирается делиться информацией. Ни слова не говорит.

Телефон Джеммы давно уже сдох, поэтому Пит достал свой. Джемма почувствовала легкий укол совести, когда заметила, как сильно тряслись руки у женщины. Ей даже не удалось с первого раза набрать номер полиции. Она немного отошла от машины и зажала рукой свободное ухо. Водитель грузовика выбрался из кабины и следил за ней взглядом. Джемме он тоже не понравился. Огромный, агрессивно настроенный тип.

Незнакомка еще не успела повесить трубку, а полиция уже появилась на дороге: мужчина и женщина в неприметном сером седане.

С каждой минутой становилось все жарче. Джемма и Пит сидели в машине, наблюдая, как водитель грузовика о чем-то спорит с женщиной, а полиция безучастно наблюдает за ними. Было слишком далеко, чтобы разобрать слова.

– Может, попросить ее вернуть мой мобильник? – спросил Пит.

Джемма молча покачала головой. Она слишком устала, чтобы думать. Когда Пит завел двигатель, чтобы включить кондиционер, женщина-коп обернулась к ним, словно только что их заметила.

– Супер, – сказал Пит, когда она двинулась в их сторону, – просто супер.

– Выйдите из машины, пожалуйста, – сказала она с видом скучающего человека, смертельно уставшего от своей работы. Джемма увидела небо в отражении ее солнечных очков, и от внезапного предчувствия все ее тело сковало страхом.

– Подождите-ка секунду, – ответил Пит. – Мы же не сделали ничего плохого.

– Пожалуйста, выйдите из машины, – повторила она, показав свой жетон. Он на мгновение вспыхнул золотым и снова исчез в ее кармане.

– Но мы же ничего не нарушили, – настаивал парень. – Мы просто ехали домой и наткнулись на эту аварию.

– Понимаю. Если вы оба выйдете из машины, через минуту мы вас отпустим.

– Делай, как она говорит, – прошептала Джемма. Теперь и второй коп зашагал в их сторону: руки на ремне, челюсти неустанно пережевывают резинку.

Они выбрались из машины. Бедрa Джеммы, там, где соприкасались с кожей сиденья, взмокли от пота. Было очень солнечно и тихо. Из-за покосившейся ограды на них с надеждой таращились коровы. Дюжина голов. Хотя Джемме и Питу казалось, что это они сами оказались в загоне.

– Вы были свидетелями аварии? – спросила женщина-коп.

Пит начал злиться.

– Нет. Я уже говорил вам. Мы не имеем к этому никакого отношения.

Тут подключился второй коп:

– Вы, ребята, наверно, местные?

Пит колебался. Он перевел взгляд на Джемму. Она снова почувствовала беспокойство. Откуда им знать, что это настоящие копы? Женщина убрала свой значок слишком быстро, чтобы что-то разглядеть. Они приехали на обычной машине, не на полицейской. И хотя оба были одеты в форму, это еще ничего не значило. С другой стороны, они все равно в безопасности, пока есть свидетели.

– Мы из Чепел-Хилла, – ответила Джемма и сразу же поняла, что допустила стратегическую ошибку.

Коп удивленно поднял брови.

– Далековато вы забрались от дома, – сказал он. – И что же вы делаете в Теннесси?

– Вас это не касается, – ответил Пит.

Джемма хотела попросить его успокоиться, но решила не усложнять.

Коп еще немного пожевал жвачку.

– У вас двоих имеются удостоверения?

Джемма замерла. У нее документов не было. Они остались в бумажнике, который она отдала Лире. Пит, похоже, собирался продолжить спор, но девушка предостерегающе посмотрела на него, и он, бормоча под нос проклятья, полез в машину. Тишина буквально звенела от напряжения. Она ждала, раздумывая, почему так внезапно успокоились участники аварии. Если бы она была на их месте и копы, вместо того чтобы помочь ей, тратили время на каких-то левых чуваков, она была бы в бешенстве. Но они стояли позади, молчаливые и неподвижные, словно прибытие копов превратило их в пару статуй.

Пит возился слишком долго. Сначала он обшарил сиденья, потом присел, чтобы обыскать пол. Когда он наконец вынырнул из машины, на его лице отражалось

беспокойство, граничащее с паникой.

– Я... не могу найти бумажник, – сказал он.

У Джеммы словно земля ушла из-под ног.

– О чем ты говоришь?

– Ты не поняла, о чем я говорю? – Пит распахнул пассажирскую дверь и нырнул на заднее сиденье, но вскоре вновь появился с пустыми руками.

– Это... это невозможно.

Но, закрыв глаза, Джемма тут же вспомнила, как за пару часов до рассвета они останавливались в придорожном кафе, чтобы купить кофе. Вот Пит спешит к машине с пластиковыми стаканами и бутылкой воды в руках. Вот он кладет бумажник на крышу, чтобы освободить руки и достать ключи. Что, если он оставил его там? Вполне возможно. Они ведь так устали.

Пит захлопнул дверь и изо всех сил пнул колесо. Джемма вскрикнула от неожиданности. Копы двинулись к ним, и парню пришлось немного попятиться.

– Порядок, – сказал он, – я в порядке, все нормально.

– Почему бы нам не присесть и не поговорить? – Полицейский снова потянулся к своему поясу, и Джемма заметила наручники.

– Вы что... собираетесь меня арестовать? Мы. Ничего. Не. Нарушили.

– Спокойно, сынок. Никто вас ни в чем не обвиняет. Не нужно оправдываться.

– Я не оправдываюсь...

– Раннее утро. На вас костюмы для вечеринки. Может, вы немного выпили и решили покататься на чужой машине...

– Господи боже! Это просто безумие. Мы не угоняли машину!

– Пит, – хрипло проговорила Джемма.

Все произошло слишком быстро. Как когда слушаешь песню на быстрой перемотке. У Джеммы в ушах звенело, словно она слышала ток в проводах высокого напряжения. Опасность.

– Прошу вас... Мы не угоняли машину... и не выпивали... У нас друзья неподалеку.

– Друзья? – Джемма снова сделала ошибку. – Что за друзья? Есть у них имена?

Пит снова взбесился.

– Мы не обязаны вам ничего рассказывать. У вас нет оснований нас задерживать, – он едва не кричал. Но на секунду копы действительно замерли, словно признали его правоту. – Можно мне мой телефон? – Эти слова он адресовал женщине-водителю, которая изначально их остановила. Однако та не двинулась с места. Даже не моргнула в ответ. Джемма снова подумала о статуях.

Нет. Это не статуи. Это актеры. Массовка. У них закончились реплики, и теперь они наблюдали остаток пьесы из-за кулис.

Но было уже поздно. Слишком поздно она догадалась, что никаких свидетелей у них не было и никто не услышит их крика.

Глава 7

Если тебя похищают вместе с твоим парнем, худшее, как оказалось, это невозможность сходить в туалет. Сначала Джемма думала, что сможет потерпеть, а Пит пытался освободить руки, чтобы иметь возможность пописать на кучку тряпок в углу или в пустую бутылку, которая каталась по полу из стороны в сторону при каждом повороте фургона.

Но ему это не удалось.

Она притворилась спящей, задушенная своей собственной паникой, неспособная даже смахнуть слезы с глаз, когда фургон наполнился резким металлическим запахом. Потом пришла ее очередь, и впервые в жизни ей по-настоящему захотелось умереть от стыда.

Но она не умерла, а просто уснула. Совершенно невероятно, но ей каким-то чудом удалось уснуть, несмотря на то, что затылком она то и дело ударялась об пол, несмотря даже на едкий запах аммиака в фургоне.

Примерно раз в час они останавливались. Очевидно, водитель никуда не спешил. Каждый раз Джемма надеялась, что их остановил патруль. Впрочем, она понимала, что прошло слишком мало времени, чтобы родители могли обнаружить исчезновение Джеммы и мобилизовать полицию в пятидесяти штатах. И никто не появлялся, чтобы их спасти. Раз за разом после бесконечных минут агонии ожидания фургон снова трогался. Люди, похитившие их, могли быть и настоящими копами, которым просто заплатили. Кто знает? Джемма догадалась, что вся сцена аварии была организована специально, для отвода глаз. Дружки Фортнера, должно быть, перекрыли все дороги в округе инсценированными авариями и ложными патрулями, чтобы найти и задержать парня и девушку, которые держатся вместе, странно себя ведут и не могут убедительно объяснить, кто они и откуда.

Прошло много часов, прежде чем они наконец достигли пункта назначения. За все это время Джемма и Пит ни разу не взглянули друг на друга. Оба провели большую часть пути в мокрых джинсах. Она все еще была одета в нарядный топ с пайетками, а он – в гавайскую рубашку.

Когда пришлось снова встать на ноги, Джемма чуть не упала. Мужчина, который притворялся водителем грузовика, подхватил ее под руку, на удивление мягко и галантно, словно они были на свидании и она попала каблуком в щель на

тротуаре. Но женщина в полицейской форме грубо перехватила ее руку.

– Я позабочусь об этой, – просто сказала она.

В крошечной темноте можно было различить лишь отдаленный свет автомобильных фар. Кажется, это были джипы или другие фургоны, составляющие что-то вроде охранного поста. Были и фонари вдоль дороги, но в большинстве из них отсутствовали лампочки. Территорию патрулировали люди с фонариками, а в отдалении Джемма различала тускло освещенное низкое здание.

Длинные асфальтированные полосы, редкие группы деревьев в отдалении, выхваченные фонарями охранников знаки (А-32ай, Б-27а). Старый аэропорт. Джемма разглядела вдалеке одинокий ангар, который изредка подсвечивали полосы скользящих по его стенам фар.

Где же они? Точно не в Теннесси, ведь дорога заняла не меньше двенадцати часов. В воздухе витал запах вспаханной земли с примесью удобрений. Значит, где-то поблизости фермы.

Сверчки наполняли воздух волнами гудения. В ночном небе мягко мерцали звезды. Индиана? Огайо?

Похитители наконец избавили их от кляпов, мокрых и тяжелых от слюны. Слезы облегчения обожгли глаза Джеммы, хотя она все еще не могла говорить: язык распух и саднил, губы растрескались, в горле пересохло. Интересно, зачем вообще понадобились кляпы? Чтобы не дать им говорить друг с другом или чтобы сильнее напугать?

В темноте раздавались громкие голоса.

– Ни хрена себе! – крикнул кто-то. Кажется, раздались даже редкие аплодисменты, будто те, кто поймал Джемму и Пита, выиграли в «Бинго».

– Куда вы нас ведете? – хрипло спросил Пит. Джемма хотела бы дотянуться до него и взять за руку, но она была ужасно грязная, за что было очень стыдно. Кроме того, ее онемевшие руки были по-прежнему скованы наручниками за

спиной.

– Никуда, – ответил мужчина в полицейской форме устало. Даже немного укоризненно. Это прозвучало примерно как «слышишь, парень, у меня тоже была тяжелая ночь, ты-то хотя бы машину не вел».

– Не отвечай. Оно не должно задавать вопросов, – сказала женщина. То, что Пита называли «оно», ужаснуло пленницу.

– Меня зовут Джемма Ивз, – произнесла она, и каждое слово на вкус слегка отдавало рвотой. Они быстро приближались к аэропорту, даже слишком быстро. Несколько огоньков, издавека походивших на светлячков, оказались окнами. Через некоторые из них она даже могла рассмотреть внутренние помещения: бетонные стены, провода, свисающие с потолка, словно кишки, кожаные кресла, прикрученные к полу. – Я – дочь Джеффри Ивза. Первоначально он был одним из главных инвесторов Хэвена. Это мой парень, Пит. Вы все не так поняли. Мы не те, за кого вы нас приняли.

– Повторяю в последний раз, – женщина говорила, игнорируя Джемму, словно та была пустым местом, – не разговаривай с этим.

– Да какая разница-то? Хочешь знать, куда мы летим, малыш? – Ее партнер, или кем он там приходился женщине в форме, не смотрел на своих пленников, даже когда обращался к ним. – Никуда. Мы уже у цели.

Терминал вырос прямо перед ними, уродливый и плоский, словно чья-то огромная квадратная челюсть. В темноте раздался тихий скрип ржавых петель: дверь.

Джемма уже поняла, что они влипли. И влипли серьезно. Пока она лежала, стуча зубами, на грязном полу фургона, в ее голове появились кое-какие мысли. Девушка пыталась собрать их в кучу и организовать в единый стройный ряд, но получалось не очень. Словно ловить мух голыми руками. Джемма сделала вывод, что за ними следили. Она думала, военные или кто-то, кто все это затеял, каким-то образом вычислили их, поняли, что они пытались помочь Лире и Ориону. Может, даже узнали, что Орион ускользнул, и почему-то винили в этом ее и Пита.

Но теперь она все поняла. Люди, которые их похитили, не думали, что они помогли репликам сбежать.

Они считали, что Джемма и Пит и есть эти самые реплики.

Глава 8

Внутри почему-то пахло кремом для обуви, потом и оружием. Два солдата в камуфляже стояли на карауле. Они шли по узкому коридору, покрытому грязным ковролином. В темноте виднелась узкая лестница, сплошь покрытая следами грязных подошв. Джемма понимала, что, как только они поднимутся по ней (куда бы ни вели эти ступени), все будет потеряно.

– Вы совершаете огромную ошибку, – ее голос сорвался. Сколько часов она не пила ни капли жидкости? – Позвоните моему отцу. Позвоните ему!

– Не надо было вытаскивать кляп, – пробурчал мужчина, ведущий Пита.

Он подтолкнул парня к ступенькам, но внезапно Пит, качнувшись, словно пьяный, освободился от его захвата. Руки у него все еще были связаны, но он сильно ударил мужчину головой в челюсть. Джемма даже услышала глухой хруст.

В одно мгновение коридор наполнился криками. Она тоже кричала, потому что солдаты одновременно набросились на Пита.

– Не трогайте его! Прошу. Прошу, – Джемма была слишком испугана, чтобы плакать. На секунду в гуще борющихся тел она потеряла его из виду. Один из солдат случайно задел ее локтем, и она едва не прикусила себе язык.

– Полегче, парень, полегче, – двое подняли Пита на ноги и зажали между собой. А он все еще брыкался, стараясь освободиться. Никогда прежде она не видела

его таким. Внезапно Джемма вспомнила одно видео, которое показывала ей Эйприл в период своего увлечения вегетарианством. На нем бойцовских собак били палками и жгли сигаретными окурками, пока они не превращались в отчаянных разъяренных зверей, готовых буквально разорвать друг друга на куски.

Собаки на видео понимали, что все равно умрут, и именно это заставляло их драться: им незачем было жить.

– Отпустите меня. – Лицо Пита было искажено гневом и пугало даже Джемму. – Уберите от меня свои грязные руки!

– Лучше уйми своего парня. – Бугай, который вел Пита раньше, теперь потирал челюсть, уставившись на нее. – Или ему башку снесут.

– Пожалуйста, – прохрипела она. – Прошу тебя, Пит.

Услышав ее голос, парень наконец затих.

– Хороший мальчик, – сказал один из солдат. – Мы не желаем тебе зла.

Ни Пит, ни Джемма не потрудились им возразить, хоть это прозвучало неправдоподобно.

– Наверх его, – скомандовал бугай, продолжая тереть подбородок. Он явно был взбешен.

Этот приказ снова разъярил Пита.

– Нет, я не оставляю ее.

Но солдаты силой затолкали его на лестницу.

– Позвольте мне остаться с ней. Прошу!

И тогда Джемма заплакала. Слезы хлынули сами собой, она ничего не могла поделать. Казалось, она смотрела на Пита с другого конца телескопа. Он все удалялся и удалялся, хотя в реальности находился всего в паре футов от нее.

– Все в порядке, все нормально, – повторяла она, пока звук его голоса отдалялся, превращаясь в тихое эхо. Хотя на самом деле все было в жутком беспорядке. И ничего нормального не осталось в ее жизни. И никогда уже не будет.

– Пожалуйста, – она в последний раз решила попробовать объяснить, – послушайте. Я говорю правду. Джеффри Ивз – мой отец. Спросите доктора Саперштайна. Спросите кого угодно...

Но она замолчала, потому что в конце коридора внезапно открылась дверь.

– Что здесь за шум? – раздался женский голос, низкий и на удивление теплый. На секунду силуэт застыл в дверях. Но когда женщина приблизилась, Джемма испытала некий шок. Она выглядела как мама любого из ее одноклассников или как любая из подруг Кристины. Даже одета дамочка была в штаны для йоги.

– Ничего особенного. – Бугай наконец перестал массировать челюсть и выпрямился. – Саперштайн вернулся?

Любительница йоги покачала головой.

– Вернется во вторник.

Джемма ощутила во рту горький привкус разжеванной таблетки. Саперштайн знал ее отца. Она могла рассчитывать на этот факт. Надеялась, что он поможет. Она утешала себя тем, что, куда бы ее ни доставили, там будет Саперштайн.

Но что здесь сделают с ними до вторника?

– Надеюсь, он не в Пенсильванию отправился?

– Нет, в Вашингтон. – Дамочка в штанах перевела взгляд на Джемму. – Где вы ее нашли?

– Там, где и предполагалось. – Похитительница Джеммы так сильно сжимала ее плечо, что ногти впивались девушке в кожу. – Она говорит, все это большая ошибка, и она не отсюда.

– Правда? – Женщина все еще разглядывала Джемму с неподдельным любопытством. Не со злобой или отвращением, а с живым интересом. – Что ж, по крайней мере, кто-то ее откормил.

Джемма почувствовала жгучую вспышку ненависти.

– Я не лгу, – сказала она. – И могу доказать это. Позвоните Саперштайну. Спросите его сами.

Но, похоже, любительница йоги ее даже не слушала. Она выглядела слегка озадаченной, словно Джемма говорила на неизвестном ей языке. Через мгновение она развернулась и ушла, но Джемма, замирая от страха, прислушивалась к тихим голосам. Женщина разговаривала с кем-то, кто оставался вне поля зрения. О чем они говорили?

Минуту спустя несколько человек в медицинских халатах проследовали по коридору к лестнице и поднялись наверх, полностью игнорируя присутствие Джеммы и ее охранников. Они выглядели, как обычно выглядит любой медицинский персонал: деловитыми, торопливыми, профессиональными и слишком занятыми, чтобы их беспокоили. Это вопиюще нелепое сочетание – штаны для йоги, белые халаты, солдаты с автоматами, запах пота – все это повергло девушку в странное состояние, близкое к истерике.

Женщина в спортивных штанах вернулась и вглядывалась в потолок, словно прислушивалась к шагам, которые раздавались над их головами.

– Отвести ее наверх? – спросила похитительница, но дамочка покачала головой.

– Через минуту. Сначала пусть их приведут вниз.

– Кого приведут? – выдохнула пленница.

Женщина не ответила, но звук шагов становился все громче, приближаясь. Дверь наверху распахнулась. Доктора, медсестры – или кем они были – вернулись.

И с ними были три Джеммы.

Три Джеммы спустились по лестнице. Три Джеммы уставились на нее. Три наголо бритые Джеммы в одинаковых грязных пижамах. Мешковатые штаны едва держатся на тощих бедрах. Три Джеммы, дрожащие, словно мышки, напоминающие отражения в кривых зеркалах.

Девушка перестала дышать. Прямо под ней разверзлась бездонная пропасть, и она полетела вниз с головокружительной скоростью.

В последнюю секунду она успела заметить, что женщина все же обернулась к ней.

– Мои доказательства, – спокойно сказала она.

Глава 9

В конце концов Джемму отвели наверх. Здание аэропорта было набито военными в камуфляже и медперсоналом в белых халатах, которых объединяли грязные волосы и выражение крайней степени усталости на лицах. Одна женщина в брючном костюме, напоминающая манекен с Пятой авеню, массировала лоб идеально наманикюренными пальцами. Девушка даже боялась представить себе, к какой правительственной организации женщина принадлежит. Аэропорт сбивал с толку не столько своими размерами, сколько лабиринтами совершенно идентичных, лишенных мебели коридоров, стойками, экранами прибытия. Освещение было очень скудным. Перегородки, наспех сооруженные из листов фанеры, разделяли импровизированные комнатки. Панелей на потолке кое-где не хватало.

Джемму отвели в туалет, где не было кабинок. Только унитазы, прикрученные к полу на одинаковом расстоянии друг от друга. Пришла сонная медсестра, одетая в мешковатый медицинский халат поверх своей обычной одежды. Пока она писала, медсестра стащила с нее мокрые штаны и белье. Сама девушка все равно не смогла бы этого сделать, так как с нее до сих пор не сняли наручники.

Руки у медсестры были холодные. Джемма попыталась сморгнуть внезапные слезы.

– Прости, – прошептала она. – Мы найдем тебе что-нибудь сухое.

Но пленница почувствовала, как внутри ее что-то надломилось, что-то рухнуло.

Кондиционера не было. Зато был запах сырой древесины, грязные углы, свисающие отовсюду мотки кабеля и пыль, засевшая в трещинах стен. И простая четкая мысль: это место не имеет ничего общего с Хэвеном. Здесь не будет медицинских исследований, анализов и осмотров. Это не исследовательский институт. Это загон.

Рядом с туалетом их поджидала женщина в брючном костюме. Она зевнула, прикрывшись рукой.

– Итак? – спросила она при появлении Джеммы.

– Что «итак»? – переспросила медсестра. Она держала девушку за локоть на удивление мягко, словно пыталась сгладить то, что произошло в туалете.

– Эта – последняя, да?

– Откуда мне знать? – Женщины определенно друг друга недолюбливали. – Это – ваше дело. А мое дело – следить за тем, чтобы они были живы.

Джемме не понравилось, как сестра произнесла это последнее слово. Создавалось впечатление, что та, вторая, имела целью нечто противоположное.

– Нет нужды огрызаться. Я только спросила. Просто для меня они все на одно лицо. Даже те, которых не клонировали.

– Не сомневаюсь. – В голосе медсестры сквозил неприкрытый сарказм. – Мы до сих пор опознали не все тела. От некоторых остались только пальцы... по вашей милости. – Она шумно вдохнула воздух через нос. – Но если вы так считаете, так тому и быть.

Они снова двинулись по длинному коридору, изрезанному тенями, где тут и там попадалась брошенная мебель: стойки, старая разбитая витрина. Джемма представила, как за этим стеклом когда-то красовались аппетитные сэндвичи.

И этот мерзкий запах – мусорного контейнера или человеческих внутренностей, – смешанный со стойким запахом мочи.

Они остановились, чтобы набрать воды из огромной промышленной раковины, рядом с которой стоял переполненный стаканчиками мусорный бак. Медсестра держала стаканчик, а Джемма, словно ребенок, пила из ее рук. Но она не стала возражать – слишком давно уже мечтала о глотке воды. Затем, к ее удивлению, женщина повернула ее спиной и освободила от наручников. Джемма едва не упала в обморок от счастья, когда снова смогла свободно двигать плечами. Но она прекрасно понимала, почему все предосторожности были теперь излишними. Повсюду, словно дробь дождевых капель, раздавались приглушенные шаги тяжелых сапог. Вооруженные солдаты. Даже в темноте она различала металлический блеск их стволов, мерцающих, словно чьи-то глаза.

– Веди себя хорошо, девочка, и все будет в порядке, – сказала медсестра. Впервые с момента похищения Джемма почувствовала некий проблеск надежды. Эта женщина не была злой. Может, удастся ее убедить. Может, она поверит.

– Пожалуйста, послушайте меня, – прошептала она. Горло сдавливали подступающие рыдания. – Меня зовут Джемма Ивз. Я живу в Чапел-Хилле, Северная Каролина. У меня есть родители. И они меня ищут.

Но она не была уверена, что женщина ее слушает. В этой части аэропорта было совсем темно, только ряд дешевых маленьких фонариков обозначал проход, подобно тем, что используют в самолетах для освещения пути к аварийному выходу. Вокруг них в темноте лежали кучки поломанной мебели. Запах здесь тоже был не лучше. Плотный воздух как будто имел собственный вес, форму и текстуру. Они остановились перед пластиковыми полками с дешевыми футболками и застиранными хлопковыми штанами.

– День стирки – пятница, – сказала медсестра. – Получишь смену одежды и белья.

– Поверьте, – повторила Джемма шепотом. Горло снова царапал страх. – Я не из этого места.

Кто-то застонал. Затем в темноте раздался крик, но быстро стих. И все же крик, достигнув ее слуха, застрял где-то внутри, в ее груди, вышибая дух. В то же время глаза наконец привыкли к темноте, и она осознала, что ошибочно приняла за груды старой мебели живых людей. Сотни одинаково одетых девушек, некоторые серьезно ранены, другие ужасно тощие, кожа да кости. Все они спали прямо на полу: на матрасах, одеялах, каких-то тряпках.

– Никто не отсюда, девочка, – наконец ответила медсестра. Ее пальцы перебирали золотой крестик на шее. – Даже сам дьявол.

Часть вторая

Глава 10

Первый день пятьдесят первого года своей жизни Кристина Ивз провела в слезах, до крови сдирая кутикулы. Потом она лежала в постели, мелко дрожа всем телом, и ждала, чтобы ксанакс[5 - Ксанакс – популярное в США успокоительное средство, помогающее побороть чувство тревоги.] наконец подействовал. А второй день она коротала, считая все уродливое, что попадалось ей на пути в Нэшвилл, Теннесси.

Мертвый олень на обочине. Зброшенный старый дом. Словно из вспоротого брюха, на крыльцо вывалилось всякое гнилье. Билборды, рекламирующие стрип-

клубы, магазины для взрослых или лечение эректильной дисфункции.

С тех пор как родилась Джемма, она почти не путешествовала. Ей нравилось быть дома в окружении знакомых вещей. Кристина любила свой красивый дом с толстыми коврами, по которым ступаешь абсолютно бесшумно, Руфуса и кошек. Любила бассейн, у которого летом можно было прилечь с влажными от хождения по свежей траве ногами и почитать книгу под отдаленный монотонный гул газонокосилки, усыпляющий не хуже одной из ее волшебных таблеток.

У них был дом в Вейле, куда Джеф частенько приглашал клиентов, но в последний раз она появлялась там, когда Джемма была совсем еще малышкой. Муж хотел научить ее кататься на лыжах, но она никогда этого не понимала. Нужно одеваться в специальный костюм, брать в аренду инвентарь, стоять в огромной очереди и добираться до вершины на подъемнике, чтобы в конечном итоге снова скатиться с горы.

Один-единственный раз ему удалось убедить ее позволить Джемме отправиться на урок в лыжную школу. Тогда малышке было четыре, не больше. Сама она этого случая не запомнила. Кристина стояла в толпе других родителей и наблюдала из помещения за тем, как дети в ярких костюмчиках готовились к спуску. Остальные мамы и случайно затесавшийся в их компанию папа абсолютно не волновались. Одни потягивали горячее какао, другие сами отправлялись кататься. Одна она не отлипала от окна, туманя стекло своим дыханием. Она не сводила глаз с маленькой фигурки в фиолетовом, своей единственной дочери. Джемма была милой, забавной и сообразительной. А щечки у нее были такие пухленькие, что так и хотелось укусить.

Кристина читала, что во время Второй мировой войны многие евреи, готовясь к бегству, зашивали свои ценности (деньги, часы, украшения) в подкладку верхней одежды. Так и с Джеммой. Она была маленьким секретом, драгоценностью, вшитой не в пальто Кристины, а в самое ее сердце, в то, чем она являлась на самом деле глубоко внутри.

На том спуске в ее душе навечно поселился страх. Через мгновение она увидела, как Джемма, одетая в толстый пуховик, неуклюже взмахнула маленькими ручками, балансируя на крохотных лыжах. И в ту же секунду Кристина, словно обладала рентгеновским зрением, увидела скрытые под массивной курткой и нежной кожей хрупкие узкие косточки и уязвимые внутренние органы, которые

так легко задеть, проткнуть, сместить, повредить. Она выскочила на улицу, умоляя дочку не двигаться с места, быть осторожнее, остановиться. Малышка обернулась на зов матери и, конечно же, упала.

Больше Кристина не ездила в Вейл. Еще у них был дом в Аутер-бэнкс, но и там она была редким гостем. Джемме там очень нравилось, но ее мать не могла избавиться от ужасных картин, которые рисовало ее воображение: вот маленькая дочь тонет в волнах, захлебывается, и ее легкие наполняются морской водой. И еще один страх, глубже, чем этот, мучил ее: придется отвезти малышку в незнакомый госпиталь. Там врачи возьмут у нее кровь, просветят кости и как-нибудь догадаются. И преступление, которое они с Джеффри совершили, закодированное в каждой клеточке тела их дочери, въевшееся в ее ДНК, станет явным.

Она была на кухне, когда раздался звонок. Ополаскивала стаканы, которые, видимо, принес от бассейна Джеф. Воскресенье. Лучший день недели. Кристина любила мыть посуду, хотя необходимости в этом не было. Для такого у них была прислуга. Но Кристине нравился звук льющейся воды, облака мыльной пены и то, как звенели стаканы, когда она постукивала по ним ногтями.

– Джемма? – не глядя на дисплей, ответила она. Кто еще мог звонить в такую рань в воскресенье?

Но это была Эйприл. Как только женщина услышала ее голос, она все поняла.

– Миссис Ивз, – и это тоже было плохим знаком, ведь с третьего класса подруга дочери называла ее только по имени, – я волнуюсь за Джемму.

Эйприл торопливо рассказала ей, что подруга на самом деле не ночевала у нее, а уехала с Питом, чтобы навестить Лиру в той ужасной обувной коробке, куда засунул Рика Харлисса Джеффри, и должна была уже вернуться к этому времени.

Но она не вернулась и не отвечала на звонки. И Пит не брал трубку. Каким-то чудом Кристине удалось раздобыть номер Харлисса, нацарапанный на листке бумаги и запрятанный глубоко в выдвижной ящик, где они хранили всякую ерунду, которую не оставишь на видном месте, но и не выбросишь: вдруг еще пригодится.

Дома у Рика никто не отвечал, а его мобильный сразу переадресовывал звонок на голосовую почту.

Тогда она пошла к Джефу. Кристина всегда так делала, она была приучена так делать. Он решил проверить кредитку Джеммы, чтобы увидеть, снимала ли она деньги. Оказалось, рано утром она купила билеты на автобус из Ноксвилла в Нэшвилл, Теннесси. Позже она сняла в банкомате в Кроссвилле триста долларов. Около полуночи кто-то использовал ее карту, чтобы заплатить за номер в мотеле в Нэшвилле, но к утру выяснилось, что это ложный след. Парень и девушка, похоже, украли карту, хоть и клялись, что просто нашли ее.

И все же они могли украсть ее у Джеммы. А значит, она была в Нэшвилле.

Но зачем? С какой целью она туда отправилась? И почему не отвечала на звонки? И Пит тоже?

И куда в таком случае подевался Рик Харлисс?

– Ты клянешься, что не имеешь к этому отношения? – спросила она мужа после ужасной бессонной ночи, в течение которой периодически впадала в вызванное снотворным кратковременное забытие. – Клянешься, что ты ничего-ничего об этом не знаешь?

– Конечно, нет, – быстро ответил Джеф. – Как ты могла такое подумать?

И она поверила. А что еще ей оставалось? Она всегда верила мужу. Это было так же непреложно для нее, как вращение Земли вокруг Солнца. Эту веру они выстроили сами, словно замок, возводя одно на другое объяснения, которые изобретали друг для друга. Вот только стены и потолки, колонны и башенки – все было из тончайшего льда. Одна маленькая трещина – и все рухнет.

Кристина продолжила считать: перевернувшийся грузовик на обочине, придорожный памятник на месте смертельной аварии. Знак, оповещающий о том, что поблизости находится тюрьма строгого режима. Уродливо, уродливо, уродливо. Бетонные развалины и засохшие на жаре кустарники. И где-то там ее Джемма, крошка-дочь, маленький драгоценный секрет. Всех успокоительных на свете не хватит, чтобы заглушить ее страх. Если бы только она могла проглотить его, будто маленькую белую таблетку, чтобы он бесследно

растворился в желудке.

На секунду перед ними мелькнул и исчез знак. От Нэшвилла их отделяло всего тринадцать миль.

Глава 11

– Откуда оно?

В понедельник именно эти слова разбудили Джемму, вырвав ее из одного кошмарного сна. Правда, она тут же погрузилась в другой.

Сначала девушка подумала, что перед ней зеркала. Живые, трехмерные зеркала с одинаковым выражением любопытства на идентичных лицах. Она невольно поднесла руки к лицу, затем снова опустила, чтобы убедиться, что это все же не отражения. Что она сама не отражение.

– Ты какой Номер? – спросило одно из зеркал.

– Ты не Кассиопея, – заметило второе.

– Кассиопея умерла, – напомнило третье.

– Я Каллиопа, – добавило первое. – Номер Семь.

В ее глазах Джемма видела свое отражение. Отражение в отражении отражения. Симметрия, но какого-то жуткого свойства. Она села в кровати, отчасти ожидая, что отражения отзовутся какими-нибудь движениями. Но они оставались неподвижными.

– Думаешь, она тупая? – спросила одна из девушек.

– Насколько тупая? – отозвалась другая.

– Как Номер Восемь, – ответила первая и обернулась. – Как Гусиный Пух.

Бум-бум-бум.

Только тут Джемма заметила четвертую, скрючившуюся в углу. Она была еще худее, чем остальные, и на ней был памперс. Босые тощие ноги покрыты сыпью. Из-за неестественной худобы голова казалась огромной и напоминала круглый аквариум.

Бум-бум-бум.

Она поднимала голову и билась ею о стену: раз, два, три. Солнечный луч выхватывал часть оштукатуренной стены и пыль, взметающуюся в воздух при каждом ударе.

Самые больные из реплик были отделены от остальных ветхозаветными занавесками из мешковины. Джемма слышала, что большую часть времени они проводят в бессознательном состоянии благодаря ежедневной дозе морфина. Если бы не запах, она наверняка решилась бы заглянуть за занавеску.

Кровь. Истекающие кровью тела. Отказывающие органы. Разложение.

Кого-то все время рвало в туалете, возле мусорной корзины, а когда корзины не было поблизости – прямо на пол. Джемма знала, что прионы[6 - Прионы – белковые частицы, заражение которыми ведет к тяжелым заболеваниям.] незаразны. По крайней мере, они не передаются воздушно-капельным путем, и все же она не могла не думать о том, как они кружатся в воздухе вокруг нее, подобно снежинкам или пуху от одуванчиков, и застревают в ее легких при каждом вдохе.

Постоянно кричали малыши. Дети постарше, которые так и не научились ходить, ползали между кучами грязного тряпья или сосали пальцы и плакали. Медсестры скользили по коридорам, словно бесплотные призраки. Они делали все, что могли, в условиях нехватки медикаментов и постоянных перебоев с электричеством.

Все разместились в одном здании в форме буквы «Г». Женскую часть от мужской отделял только пост охраны. Солдаты сновали между этими ходячими трупами с ввалившимися щеками и горящими глазами, изнуренными болезнями и голодом, отталкивая их своими винтовками.

Когда одна из солдат, девушка с тугими косами, остановилась, чтобы помочь реплике, которую рвало, ей сразу сделали выговор:

– Ты не должна так вести себя с ними, – сказал мужчина-военный с блеклыми ресницами и прыщавым лбом, – в итоге будет еще хуже.

Джемма попыталась пробраться к Питу, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, но ее остановил рыжеволосый парень, облаченный с головы до ног в камуфляж. Он казался таким юным, что мог бы быть ее одноклассником.

– Назад, – сказал он. – Ты понимаешь человеческую речь? Разворачивайся.

Еще одна девушка в военной форме сидела в одиноком пластиковом кресле, прикрученном к полу.

– Они все говорят по-английски, глупыш, – мягко сказала она. Судя по звукам, девушка играла в видеоигру на телефоне.

– А мне так не кажется, – возразил он. Джемма развернулась и двинулась назад, но недостаточно быстро. Она все же услышала его следующую фразу. – Вот черт. Меня даже близнецы всегда пугали.

Ей хотелось закричать, но, словно в кошмаре, голос не слушался ее.

«Это не я! – закричала бы она. – Вы поймали не ту!»

Но какой смысл? Когда еще три Джеммы ходят за ней хвостом. Три Джеммы стояли плечом к плечу, дышали ее легкими, двигали ее руками и крутили такими же, как у нее, короткими шеями.

И никто не придет ее спасти. Ни одной живой душе не известно, где она. Даже если машину Пита обнаружили, а это наверняка уже произошло, ничто не поможет полиции их найти. Никаких следов, никто не попросит выкуп.

Остается только надеяться на то, что ее родители как-нибудь отыщут Лиру и Ориона и догадаются, что произошло. Тогда ее отец задействует все свои связи и пригрозит засудить их всех, от Саперштайна до президента США, и они с Питом будут спасены. Но она также знала, что в этом случае их места займут Лира и Орион. Во всем этом дерьме была даже своя романтика. После стольких лет она вернулась туда, где появилась на свет. В родной дом.

Лучше и не думать. Она перестала пытаться с кем-то заговорить или заставить кого-то поговорить с ней. Когда доктор Саперштайн вернется, он увидит ее, узнает и поймет свою ошибку. Это если отец не вызволит ее раньше.

А до тех пор нужно просто выжить.

Глава 12

Заняться было абсолютно нечем. Никаких книг, журналов, компьютеров или телефонов. Только брошенные на пол матрасы и сотни девочек, раненых и больных, сидящих или лежащих всюду вокруг.

Некоторые реплики придумывали для себя игры: катали по полу колпачки от ручек или строили башни из одноразовых стаканов. Джемма даже видела, как девочка лет трех-четырёх играла со старым шприцем. Когда она попыталась его забрать, девчушка неожиданно пришла в ярость и плюнула ей в лицо, явно целясь в глаза. Девушка попятилась назад, и кто-то поддержал ее со спины. Джемме снова показалось, что она врезалась в зеркало. Одно из ее отражений – ее клон – ходило за ней по пятам.

– Не переживай из-за Коричневых, – сказала она. Ее глаза непрерывно скользили по Джемме, ее волосам, сережкам, ногтям, покрашенным желтым и зеленым лаком. Она словно пыталась сгенерировать некую силу, которая могла бы притянуть Джемму ближе. – Они все слабоумные.

Вся злость Джеммы улетучилась, силы ее покинули. Она вновь обернулась к малышке и увидела, что та сменила игру: теперь она выдергивала грязные волокна из старой подстилки на полу. Другая девочка, копия первой, подошла ближе, чтобы посмотреть. Видеть их рядом было очень странно.

– Ты не одна из нас, – заключил клон. У нее плохо пахло изо рта, и Джемма почувствовала отвращение, а затем сразу же укол вины. – Тебя не здесь сделали. В Хэвене было только пять реплик такого типа. Номера с шестого по десятый. И шестая умерла.

– Я знаю, – автоматически ответила Джемма. – Я ее видела.

Было странно осознавать, что эта девушка сразу догадалась о том, чего местные врачи не могли или не хотели понять. Они не считали реплик людьми. Только лабораторными крысами. Или вещами, произведенными на фабриках. Множество экземпляров, отлитых с помощью одной формы. Сложно отличить один от другого.

Девушка приблизилась, и Джемма едва удержалась, чтобы не отшатнуться. К тому же ей пришлось бороться с острым желанием вцепиться той в глаза и содрать кожу, чтобы вернуть себе свое лицо.

– У Номера Шесть было имя. Мы звали ее Кассиопеей. Мне доктор О’Доннелл тоже дала имя. Меня зовут Каллиопа. А у тебя есть имя?

Реплика смотрела большими, полными надежды глазами. Джемма тоже так делала иногда. Эйприл говорила, что это взгляд печального котенка.

Девушка кивнула:

– Меня зовут Джемма.

Каллиопа улыбнулась. Два ее передних зуба выдавались вперед. В отличие от самой Джеммы, реплика явно не носила брекетов.

– Джемма, – повторила она. – Где тебя изготовили?

Джемма снова почувствовала себя вымотанной, хотя едва ли миновал полдень. Вряд ли реплика прежде видела кого-то извне. А из тех, кого видела, никто с ней не общался.

– Меня, как и тебя, сделали в Хэвене, но потом поместили в другое место.

– Снаружи. – Каллиопа произнесла это слово с таким нажимом, словно оно завершало какое-то могущественное заклятье.

С тех пор Каллиопа не оставляла Джемму в покое и всюду следовала за ней, отмеряя доступные им двести восемьдесят два шага между отсеком, где за ширмой под присмотром угрюмых медсестер медленно возвращались к жизни больные реплики, до двух туалетов, мужского и женского, расположенного на нейтральной территории.

Когда Джемма села, Каллиопа устроилась в паре футов, не сводя с нее глаз. Тогда девушка легла и притворилась спящей, но по-прежнему ощущала на себе взгляд реплики. Тогда она снова вскочила, ощущая облегчение от нахлынувшей злости: значит, она все же может чувствовать что-то, кроме страха.

– Что тебе? – раздраженно спросила она.

При взгляде на Каллиопу Джемма по-прежнему испытывала странное головокружение, подобное тому, которое ощущаешь, когда тебя раскручивают с повязкой на глазах, а потом отпускают. Сняв повязку, ты с удивлением обнаруживаешь, что мир вокруг по-прежнему вращается.

– Чего ты хочешь?

Она хотела напугать или прогнать реплику, но та продолжала глазеть. Невозможно было избавиться от ощущения, что Каллиопа каким-то образом проникла в тело Джеммы и не была другим человеком, а была лишь ее

собственной тенью. Это объясняло бы и странное чувство усталости, которое она испытывала при каждом вдохе, словно ей приходилось дышать за двоих.

– Я смотрю на тебя, – ответила реплика, – чтобы понять, каков мир снаружи. У тебя длинные волосы, как у медсестер. И ты толстая, – добавила она, но это прозвучало негрубо. Каллиопа и не подозревала, что это звучит невежливо, как не догадывалась, что пялиться нехорошо.

Джемма сразу почувствовала жалость и стыд за ненависть, которую испытывала к ее лицу, к самому ее присутствию, за желание избавиться от нее.

Каллиопа встала на колени и немного приблизилась к Джемме, а затем снова отстранилась и села на пятки. Должно быть, они одного возраста, но выглядела реплика моложе.

– Ты знаешь доктора О’Доннелл? – спросила она. – Ту, которая меня назвала. А потом она ушла. Они все уходят, но обычно не навсегда. Ты должна ее знать. Она тоже сейчас Снаружи, – пояснила Каллиопа, словно Джемма могла не понять.

Девушка попыталась сглотнуть, но не смогла. Как объяснить ей?

– Я не знаю доктора О’Доннелл, – просто ответила она.

– А Пиноккио? – спросила Каллиопа. – Ты знаешь Пиноккио?

– Пиноккио? – Джемма решила, что реплика шутит, но та была абсолютно серьезна. Ее огромные глаза на худом лице сияли, словно луны, такие знакомые и одновременно чужие. Девушка вдруг осознала, что ни разу не услышала, чтобы Каллиопа пошутила или хотя бы сказала в насмешливом тоне.

– Пиноккио – это кукла, деревянный мальчик, – она перескакивала с одной темы на другую. В ее сознании смешивались реальность и вымысел, прошлое и настоящее. – Уэйн называет меня Пиноккио, и я помалкиваю. Не называю ему имени, которое мне дала доктор О’Доннелл. С этим нужно быть осторожнее. Если кто-то дает тебе имя, ты потом навсегда принадлежишь ему. Пиноккио хотел выйти Наружу и стать настоящим мальчиком.

Она снова перескочила на другую мысль. В потоке ее сознания не было системы, она не делила темы по степени важности.

– Кит съел Пиноккио, но тот развел костер в животе у кита, – она засмеялась, и Джемма отшатнулась от неожиданности. Это был не обычный смех – скорее скрежет пилы по металлу. – Устроил пожар, как в Хэвене. Прямо у кита в животе, вот здесь, – она указала на свой живот. Кажется, ей это казалось уморительным. – Уэйн объяснил мне, как это делается. И киту пришлось его выплюнуть. Когда пожар начался в Хэвене, я совсем не боялась. Не то что другие.

Расшифровка слов и мыслей Каллиопа требовала едва ли не физических усилий. Джемма хотела было объяснить, что Пиноккио – всего лишь сказочный герой, но передумала.

– Внешний мир большой, – сказала она вместо этого. – Гораздо больше, чем ты думаешь.

Каллиопа обняла колени и кивнула.

– Я знаю. Видела через забор и по телику. Но какая разница? Оно умирает, и это, и это, – она показала пальцем на трех реплик. – И это тоже, – она показала на себя. И, прежде чем Джемма успела сказать хоть что-нибудь, чтобы переубедить ее, Каллиопа продолжила болтать:

– Хэвен намного больше, чем это. Тут только крыло «А» уместилось бы. А еще там больше дверей и больше медсестер. Я не люблю медсестер, потому что они давали нам зеленые и синие таблетки, чтоб мы спали. Хотя некоторые ничего. Одна из девушек-солдат разрешила мне потрогать пистолет. – Она говорила быстро, жадно хватая воздух в паузах, будто слова были болезнью, от которой она могла избавиться. – В Хэвене нам не разрешают находиться с парнями из-за их пенисов и из-за того, как нормальные дети рождаются. Но на Рождество все по-другому, тогда бывает Отбор.

Мурашки побежали по шее и позвоночнику Джеммы. Тонкие светлые волосы на руках, за которые Эйприл дразнила ее Гусыней, встали дыбом, словно перья у птицы, поднятые ветром.

– Что ты имеешь в виду? Какой еще Отбор? – переспросила она, но Каллиопа не слушала. Она снова путалась в мыслях и историях, вываливая на Джемму все слова, которые столько времени держала в себе.

– Ты когда-нибудь использовала пенис, чтобы сделать ребенка? – спросила она, и Джемма впала в ступор, не в силах ответить. – Доктора все еще не знают, могут ли они. То есть можем ли мы. Ну, может ли оно. У Пеппер был ребенок в животе, но она потом порезала себе запястья, и они стали осторожнее с тех пор.

Джемма уже теряла нить ее рассказа. Реплика все время путала местоимения. Лира и Орион тоже иногда называли себя «оно». Все реплики путали слова «хочу» и «прошу» или «делать» и «иметь».

«Я их имела, – как-то настаивала одна из реплик, когда медсестра пыталась отобрать у нее стакан с остатками старой еды, которые та прятала за одной из отошедших пластиковых панелей. – Я это имела. Это мне».

Некоторые реплики вовсе не умели разговаривать, только рычали и мычали, как животные.

– В общем, врачи не знают, – Каллиопа продолжала болтать, ковыряя ногтем болячку на ноге. Когда потекла кровь, она даже не моргнула. Просто наблюдала за тем, как алая дорожка скользит по ее икре, словно это вовсе и не ее кровь. – Некоторые из этих слишком тощие для месячных, но у меня есть. Уэйн говорит, это значит, я теперь женщина.

Джемма ощутила очередной приступ тошноты.

– Кто такой этот Уэйн?

– Он рассказал мне про Пиноккио. – Ее глаза напоминали скорее пальцы, которые шарят в поисках чего-то. – Я всегда хотела ребенка, – прошептала она. – Иногда я ходила в отделение для младенцев и качала их, говорила им всякие хорошие слова, как будто это я их сделала, а не врачи.

Кровь прилила к голове Джеммы с такой силой, что она почти ничего не слышала. Младенцы. Маленькие дети. Она не видела здесь ни одного. Куда они

делись, что с ними случилось?

Но ей не пришлось спрашивать. Каллиопа наклонилась вперед – одни горящие глаза и горячее дыхание.

– То отделение быстро сгорело, – сказала она. – Крыша обвалилась и раздавила всех моих малюток.

Джемма резко отвернулась, но бежать было некуда.

«Никто не отсюда, девочка. Даже сам дьявол».

Каллиопа улыбнулась, показывая зубы.

– Хэвен был лучше, конечно. Хотя тут мне больше нравится: из-за парней, из-за того, что с ними можно поговорить, когда захочешь, – она говорила так быстро, что Джемма едва не пропустила эту фразу.

– Подожди. Подожди же секунду, – она сделала глубокий вдох. – Что ты хочешь сказать? Как с ними можно говорить?

Реплика улыбнулась одними уголками рта, словно улыбка – это нечто столь ценное, что следовало бы экономить.

– Ты можешь пойти со мной, – ответила она. – И все увидишь сама.

Среди ночи Каллиопа пришла за ней. Возможно, была полночь, а может, четыре утра – часов нигде не было. С тех пор как Джемма здесь оказалась, она ощутила на себе природу времени. Если нет часов, телефонов и расписаний, оно тянется, словно резина.

– Иди за мной, – сказала реплика и взяла ее за запястье. Джемма замечала, что именно так сопровождает реплик медицинский персонал. Видимо, у них Каллиопа и научилась этому жесту.

Они маневрировали между спящими на полу девушками. Большинство из них пребывало в глубоком сне, вызванном особыми таблетками, которыми всех

пичкали перед отбоем. Репликам, которых мучила сильная боль, сначала тоже давали таблетки, а когда те закончились, стали предлагать целые стаканчики с успокоительным. Джемма свое снотворное выбрасывала. Каллиопа, видимо, тоже.

Пока они двигались в темноте, Джемма вновь испытала это странное ощущение, словно они были лишь двумя тенями или водяными знаками, отпечатанными одним штампом. А может, это она была тенью, а Каллиопа – настоящей?

Медсестра дремала на стуле, перед которым явно не хватало стола. Она очнулась на секунду и спросила, куда они направляются.

– В туалет, – прошептала Каллиопа, и женщина кивнула.

– Поживее там, – сказала она.

Нейтральная территория состояла из двух туалетов и маленькой кухни, которая служила и комнатой отдыха персоналу. Здесь находился только маленький пластиковый столик, заваленный старыми журналами и телефонными зарядками. На кухне горел свет и, как всегда, работала кофемашина, от которой по комнате распространялся запах жженой резины. До сих пор Джемма ни разу не видела, чтобы кто-то пил из нее кофе.

На посту был только один солдат: все тот же рыжеволосый, с прыщавым подбородком. Ему явно было не больше девятнадцати.

– Этот никогда не играет, – прошептала Каллиопа.

– Не играет во что? – ответила Джемма так же тихо.

Но реплика только покачала головой.

– Он говорит, это не к добру.

Джемма уловила выражение боли, мелькнувшее на лице солдата, словно видеть их вместе было болезненно неприятно. Он отвернулся, когда они поравнялись с ним по пути в ванную.

В последнюю секунду, вместо того чтобы зайти в женский туалет, они нырнули в мужской. Невероятно просто. Вряд ли солдат это заметил. И все равно он наверняка считал реплик тупыми – они могли и ошибиться дверью.

В туалете царил полумрак. Большая часть лампочек перегорела, а раковина была забита бумажными полотенцами. Вода переливалась через края, оставляя на полу маленькие грязные лужицы. Из-за плитки голоса звучали гулко и распространялись сразу во всех направлениях. Но в мужском туалете хотя бы были кабинки и два мокрых писсуара.

– Что теперь? – спросила Джемма.

– Подождем, – ответила Каллиопа. – Пошли, – реплика схватила ее за руку и втащила в одну из кабинок. Она закрыла дверь изнутри и присела на крышку унитаза.

Не прошло и минуты, как дверь в туалет снова открылась. Каллиопа жестом показала Джемме, что нужно затаиться. Долгие секунды они слышали только капли воды, барабнящие по раковине. Кап, кап, кап.

– Эй, – наконец сказал парень.

– Я здесь, – ответила Каллиопа и встала, чтобы открыть дверь.

Он явно был младше. Двенадцать или тринадцать. Сложно сказать точно. Все реплики казались младше своего возраста из-за худобы и бедного лексического запаса, в котором отсутствовали даже такие слова, как «снег», «сестра» или «страна». Но Каллиопа выглядела вполне довольной.

– Мужская особь, – сказала она так, словно Джемма могла и не догадаться. У парня была очень темная кожа, идеальные черты лица и форма губ, за которую друзья ее матери платили косметологам и хирургам. Он вырастет красавцем. Если вырастет.

– Ты из какого поколения? – спросила Каллиопа.

– Четырнадцать, – ответил он. – Белые.

Она улыбнулась.

– Как и я. Белые – самые важные, – она снова обернулась к Джемме. – Ну, зачем он тебе нужен?

– Мне нужно, чтобы ты передал кое-кому сообщение, – сказала Джемма. Он никак не отреагировал. – Мужской особи. Тому, кто пришел Снаружи. Как я. Его зовут Пит. Можешь попросить его прийти? Можешь его привести сюда?

Парень посмотрел на Каллиопу. Она кивнула.

– А мне что с этого?

Реплика наклонила голову, разглядывая его. Джемме снова показалось, что она смотрит на себя в кривое зеркало. То, которое вытягивает и стройнит.

– Осмотр, – сказала Каллиопа и подняла одну руку. – Пять секунд.

– Я хочу Стетоскоп, – возразил он.

Она покачала головой.

– Осмотр.

Он посмотрел в сторону.

– Десять секунд, – сдался он. – Пять сейчас – и пять, когда приведу его.

Наконец Каллиопа согласно кивнула. Прежде чем Джемма успела сообразить, о чем речь, и попытаться ее остановить, реплика задрала футболку и обнажила грудь: выступающие ребра, бледные соски той же формы, что и у самой Джеммы, и маленькие твердые груди, словно узелки. Девушка была настолько шокирована, что застыла на месте. А к моменту, когда к ней вернулась способность двигаться и она схватила Каллиопу за руку, чтобы развернуть к себе и опустить футболку, все уже закончилось.

– Пять секунд, – сказала она. Реплика вовсе не казалась смущенной, а парню было не так уж и интересно. – Иди давай.

Он развернулся и вышел. Как только за ним закрылась дверь, Джемма сказала:

– Тебе не стоило этого делать, – ей снова стало плохо. Их даже не заботило, что она тоже присутствовала при этой сцене и все видела. Им и в голову это не приходило. Видимо, они привыкли, что при осмотре присутствует множество людей. Вряд ли они вообще знали, что такое интимность. – Не надо было.

Каллиопа выглядела озадаченной.

– Это всего лишь Осмотр, – она улыбнулась, открывая неровные зубы. – Меня уже осматривали двенадцать мужских особей. Только Сорок Четвертая меня обогнала. У нее было четырнадцать. К тому же она всем разрешает делать ей Стетоскоп, даже охранникам.

Она произносила это без всякого выражения, как сухое изложение фактов. Без намек на игривость. Это не было удовольствием, нет. Просто времяпрепровождением. Совсем не то, что игры на вечеринках в старших классах, типа «Семь минут в раю», когда в темной комнате можно немного стащить с девушки лифчик и стиснуть сосок. Джемма представила, как реплики всю ночь сменяют друг друга в туалетах, чтобы смотреть и трогать, обмениваться, заключать сделки.

Она прислонилась к кабинке, не обращая внимания на сырость. В полумраке предметы отбрасывали странные тени.

– Что такое стетоскоп?

– Ну, это как доктора и медсестры делают, – ответила Каллиопа. Она положила руку на свою грудь и глубоко вдохнула. Затем она переместила руку, еще, и еще. Стетоскоп. Значит, они придумали собственное слово для петтинга. – А тебе когда-нибудь делали Стетоскоп?

– Нет, – соврала Джемма. Она вспомнила, как лежала вместе с Питом на полу в подвале своего дома между ящиков с консервными банками и бутилированной

водой. И как он исследовал длинный шрам от груди до пупка на ее теле. Казалось, это чье-то чужое воспоминание.

Ей в голову пришла странная идея. Может, Каллиопа и другие реплики делили с ней не только кожу, волосы и веснушки, но и ее жизнь, прошлое, ее воспоминания, и чем дольше она стояла в этом туалете, тем меньше у нее оставалось своего собственного?

Она теряла себя. Джемма открыла глаза и пустила воду из крана, чтобы попить из ладони. Лицо Каллиопы над ней казалось ее суженным отражением.

– А потом идет Полное обследование, – заявила реплика. Джемма не захотела спрашивать, что это значит. Она могла себе представить. – Но у меня этого еще не было. Я как-то пыталась с одним из Зеленых, но его стошнило прямо во время. Прибежал охранник и начал орать.

Джемма уцепилась за это.

– Разве у тебя не было проблем потом? – Она больше не хотела ничего знать про Осмотр, Стетоскоп или Полное обследование. Отвратительно было думать об этих несчастных детях и их извращенной игре в доктора.

Каллиопа выглядела озадаченной.

– Но многие охранники и сами играют.

До нее наконец дошел смысл слов, которые реплика произнесла на входе в туалет. Она сразу поняла, почему рыжеволосый солдат так странно на них смотрел. Наверняка он знал, что происходит в этом месте по ночам и что другие солдаты делают с репликами.

Дверь снова открылась. Парень из Белых вернулся один.

Сердце Джеммы расколосось. Она чувствовала, как в грудной клетке хрустят кусочки, словно крошится мел. Но она не успела спросить, что случилось с Питом. Дверь открылась во второй раз, и он появился на пороге.

Пит. Казалось, он постарел лет на сто. Белые ресницы, провалы глаз, бесцветная кожа.

И все же, увидев ее, он улыбнулся, и все изменилось. Весь ее мир сжался и подтолкнул ее к нему, в его объятия.

– Как мило встретить тебя здесь, – его голос был прежним, таким он дразнил ее во время долгих поездок. И только ощутив на губах соленый привкус, Джемма поняла, что плачет.

– Эй, – он протянул одну руку к ее лицу и стер слезы большим пальцем. – Эй, все хорошо.

– Ты в порядке? – Она не могла перестать плакать.

Каллиопа и мужская особь смотрели на них с неподдельным интересом, и Джемма чувствовала, как жадно реплика впитывает каждую деталь, пытаясь запомнить, как они с Питом обнимали друг друга. Понять, почему они это делают, что это означает и какой это тип обследования.

– Они ничего тебе не сделали?

– Я в порядке, Джем. Честно. Клянусь. – Он приподнял ее подбородок, чтобы заглянуть в глаза. – Еда отстойная. И многим тут не помешал бы дезодорант. Но я в порядке.

Невероятно, но он смог ее рассмешить. Затем Пит снова обнял ее, и она уткнулась лицом в его футболку, не понимая, кто есть кто, где заканчивается она и начинается он. Это как оказаться наконец в теплой и мягкой постели, о которой мечтал весь день.

Затем Джемма почувствовала на своей руке холодные, требовательные пальцы Каллиопы.

Когда Пит внезапно глубоко вдохнул, она вдруг догадалась, как тяжело и странно ему видеть их двоих рядом. Он резко сделал шаг назад, и она почувствовала, как внутри образовалась глубокая черная дыра.

– Нам пора идти, – сказала реплика. – Наше время истекло.

И все же трудно было избавиться от ощущения, что Каллиопа просто хотела их прервать. Джемме не понравилось, как реплика смотрела на Пита: как голодающий, который умирает от желания есть, есть, есть, пока не разорвет.

– Господи, – Пит со вздохом запустил руку в волосы. Его не обрили, хоть какая-то хорошая новость. Он выдавил из себя улыбку. – Прости, – сказал он и взял ее за руку. Ладонь была мокрой на ощупь, – это просто... – он покачал головой.

– Я знаю, – ответила она. – Можешь не говорить.

Что-то холодное и темное все еще шевелилось у нее внутри. Каллиопа дышала ей в затылок, но Джемма по-прежнему держала Пита за влажную ладонь. – Встретимся здесь завтра ночью?

– Каждую ночь, – на мгновение он перевел взгляд на Каллиопу, но Джемма сделала вид, что не заметила, и шагнула к нему.

– Они не отпустят нас, Пит, – произнесла она тихо, будто был смысл хранить это в секрете. Каллиопа все слышала. Может, она даже слышала то, что творилось у Джеммы в голове. – Мы слишком много знаем.

– Мы найдем способ выбраться, – пообещал Пит, и его взгляд немного смягчился.

Тогда реплика взяла Джемму за руку. Похоже, этому жесту она научилась только что, у Пита. Что еще из того, что она делала и говорила, было лишь имитацией?

Подобие. Легкое, едва уловимое сходство. Пальцы Каллиопы были длинными и костлявыми.

– Время вышло, – повторила она. – Другие на очереди.

– А мой второй Осмотр? – напомнил парень.

– В следующий раз получишь Стетоскоп, – беззаботно ответила реплика.

– Завтра, – повторила Джемма, когда Каллиопа потянула ее к выходу.

– Обещаю, – отозвался Пит, глядя на реплику, не на свою девушку. Она почувствовала приступ ужаса. Теперь Пит раздваивался прямо у нее на глазах и превращался в подобие самого себя. Он выглядел как раньше, говорил как раньше, но глубоко внутри стал совсем другим – чужим, незнакомым.

Глава 13

Она проснулась, когда предрассветное небо окрасилось темно-синим.

Вокруг уже всюду гудели голоса, шлепали резиновые подошвы кроссовок, скрежетало тяжелое оборудование, которое волокли, не отрывая от пола.

Она села, отодвинувшись подальше от Каллиопы, которая настояла на том, что они должны сдвинуть матрасы и спать вместе. Встав, Джемма первым делом ощутила острый приступ голода. На ужин им выдали крошечные порции пористых макарон. Их раздавали в маленьких контейнерах из фольги, которые приносили на пластиковых столовских подносах, такие всегда ассоциировались у нее со сбором пожертвований в школе.

Значит, где-то поблизости есть цивилизация: ресторан, забегаловка, магазин. Один раз она даже наткнулась на чек, вывалившийся из переполненного мусорного бака, который стоял на входе в туалет. Кто-то купил пару пончиков в «Джоз Донатс» в городишке Виндзор Фоллз, Пенсильвания.

Но какая разница? Что Пенсильвания, что Пакистан. Все равно никто не знает, где они.

Спящие вплотную друг к другу неподвижные реплики напоминали единый ландшафт, где изгибы плеч и спин создавали иллюзию мягкой холмистой земли.

Ее внимание привлекла внезапная вспышка света: за окном от здания отъезжал фургон, выхватывая лучами фар струи дождя, и все время подъезжали новые фургоны.

Джемма смотрела, как повсюду снуют солдаты в дождевиках, указывая оранжевым светом фонарей, где должны парковаться грузовики. Из аэропорта тянулся бесконечный поток оборудования. Сотрудники непрерывно сновали туда-сюда. Они заносили пустые пластиковые контейнеры разных размеров, а выносили их уже заполненными – бумагами, постельным бельем, белоснежными футболками, которые по мере необходимости здесь выдавали репликам. Другие тащили громоздкое медицинское оборудование.

Джемме вдруг показалось, что дождь проник внутрь: так холодно ей стало. Сон мгновенно улетучился.

Они закрывают лавочку.

Она отдернула занавеску.

Проложив себе путь между спящими на полу репликами, Джемма, ведомая приступом дикой паники, оказалась в центральном коридоре. Отчасти она ожидала увидеть, что все уехали, скатав ковры и даже демонтировав стены, и оставили ее одну. Несколько медсестер с красными от недосыпа глазами толкали каталки в сторону выхода. Атмосфера была напряженной, почти отчаянной.

– Что здесь происходит? – спросила Джемма, не особенно ожидая ответа. Никто не потрудился откликнуться. – Что случилось?

Девушка в военной форме скользнула по ней взглядом и снова вернулась к своему занятию. Она помогала медсестрам втолкнуть каталку в узкий проход на лестничную площадку.

– Осторожно, – предупредила она, – ступени мокрые.

Ногти у нее были покрашены розовым лаком.

Джемма шла вперед, словно в кошмарном сне, когда еще прежде, чем случится что-то ужасное, тебя переполняют предчувствия. На нейтральной территории ее, как обычно, остановили и развернули охранники. Тогда она снова подошла к окну и уставилась в темноту, которую время от времени прорезали лучи фонарей и свет фар. Сколько времени им потребуется на полную зачистку? Чтобы напроць стереть все следы существования Хэвена?

А что они сделают с репликами?

К чему такая спешка? Почему именно сейчас?

По крайней мере, вскоре она получила ответ на последний вопрос. Пока девушка стояла у окна, напряженно вглядываясь в туман, к зданию подъехал еще один автомобиль. Не фургон и не грузовик, а обычный седан. Такие машины часто арендуют путешественники с низким бюджетом. С водительской стороны вышел высокий мужчина в очках с темной бородой. С минуту он постоял, глядя на здание аэропорта. В его очках отражались огни, так что казалось, они светятся сами по себе.

Он немного нахмурился, когда его намочило дождем, сгорбился и побежал ко входу, лавируя между лужами, и Джемма заметила переполох среди дождевиков и зонтиков, который вызвало его появление.

Доктор Саперштайн вернулся.

После обеда за Джеммой пришла женщина в дорогом брючном костюме. Это была та самая дама из правительства, которую она видела в первый день. И костюм, кажется, был тем же.

Они прошли через дверь с табличкой «Только для персонала», которую охраняли два солдата с винтовками. Потом спустились по тем самым ступенькам, по которым поднимались в воскресенье. Теперь они были на первом этаже. Джемма представила толпы туристов, спешащих к воротам вылета, толкающих перед собой тележки с багажом.

Пройдя через еще одну дверь только для персонала, они оказались в здании, где когда-то, вероятно, размещалась администрация аэропорта. На полу этих кабинетов все еще можно было увидеть следы от некогда стоявших тут столов.

Верхний свет не работал, а расставленные по углам торшеры давали больше тени, чем света. Повсюду стояли ящики с одноразовыми иглами и пробирками для сбора мочи. Написанные от руки таблички на двух холодильниках гласили: «Биоматериалы. Не открывать».

По полу тянулись толстые провода генераторов. Картонные коробки были заполнены резиновыми медицинскими перчатками и защитными костюмами, ватными тампонами, термометрами, папками и ноутбуками. Джемма догадалась, что здесь хранили документальные свидетельства всего, что совершалось в Хэвене. Описания экспериментов, которые накапливались десятилетиями. Видимо, их пока не успели куда-то перевезти или уничтожить.

Еще одна женщина, которую Джемма раньше не видела, стояла в позе гориллы, опершись кулаками о стол, и смотрела на экран компьютера через плечо рыжеволосого парня.

– О, черт! – Она резко распрямилась. Чтобы передвигаться по комнате, ей приходилось все время переступать через разбросанные провода. Волосы у нее были короткими. Женщина была похожа на любимую няню Джеммы, Лаверн, гаитянку из Луизианы. У той был мягкий голос, а объятия напоминали уютный мягкий плед. Но впечатление сходства рассеялось, как только она начала говорить.

– Какой бардак.

– И тебе привет, – сказала сопровождающая Джеммы.

– Не то, чего вы ожидали? – спросил рыжеволосый парень. Его очки создавали странную иллюзию, увеличивая глаза. В свете компьютерного экрана было очевидно, что с левой стороной его лица что-то не так: как и его подбородок, она странно блестела, словно намазанная вазелином. Через секунду Джемма поняла, что он был сильно обожжен, и ее сердце подпрыгнуло. Значит, он был в Хэвене.

Лаверн-не-Лаверн неожиданно сделала два шага в сторону Джеммы и схватила ее за подбородок, будто та была рыбой и могла ускользнуть прямо из ее рук. Повернула ее лицо влево, потом вправо, и наконец девушке удалось вырваться.

– Не знаю, откуда она. – Глаза женщины, словно москиты, кружили по лицу Джеммы, не останавливаясь ни на миг. – Но она не наша.

– Я же говорила! – воскликнула Джемма, хотя Лаверн явно разговаривала не с ней. Вся копившаяся в ней ярость сузилась до острия ножа внутри. – Вы, ребята, в этот раз серьезно облажались.

Женщина все еще пялилась на нее.

– Вернер, сделай милость, подними-ка список доноров, – в конце концов она вернулась к компьютеру и ткнула пальцем в одну из строк. – Д-101. Видишь? Один из наших первых доноров. А это – фенотипы, которые от нее произошли. Номера с шестого по десятый.

– Номер Шесть утилизирован, – сказал мужчина, Вернер.

Женщина в костюме вспотела.

– Вы сказали, парень и девушка. Они подошли под описание.

– Они не наши, – ложная Лаверн позеленела. Вернер жевал незажженную сигарету. – Доктор Саперштайн вас за это четвертует.

Джемму порядком достало, что о ней разговаривали так, будто ее не было в комнате.

– Меня зовут Джемма Ивз. Ивз, – она наблюдала, как до стриженной доходит смысл ее слов. Женщину словно током ударило.

– Ивз? – поперхнулся Вернер и облизал пересохшие губы. – Это как?..

Но он не закончил, потому что за ее спиной резко распахнулась дверь. В комнате мгновенно воцарилась тишина. Давление вдруг стало таким высоким, что Джемма ощутила хлопок в ушах, словно они набирали высоту в самолете.

Она обернулась, заранее зная, кого увидит. Доктор Саперштайн с очками в одной руке, улыбаясь, покачивал головой, словно добрый классный

руководитель, нашедший ошибку у нее в расписании.

– В последний раз я видел тебя, когда тебе было всего шесть месяцев, – сказал он.

Саперштайн оказался ниже и старше, чем она его себе представляла, что неудивительно: фото, которые она видела, были старыми, а отец разорвал все связи с Хэвеном много лет назад.

Прилив ненависти оказался таким сильным, что испугал даже ее саму. Словно темная рука вселенной дотянулась до нее и встряхнула, перевернув вверх тормашками.

– У вас было достаточно моих копий, – ответила она. – Я насчитала четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Халапеньо – сорт острого перца, который чаще всего выращивается в Южной Америке. Халапеньо входит в состав многих традиционных мексиканских блюд.

2

Кукла Чаки – герой американской серии фильмов ужасов. Ожившая кукла, в которую вселился дух серийного убийцы.

3

Валиум – широко известное во всем мире успокоительное средство.

4

Бочче – спортивная игра на точность, от итальянского «bosse», что в переводе означает «шар».

5

Ксанакс – популярное в США успокоительное средство, помогающее побороть чувство тревоги.

6

Прионы – белковые частицы, заражение которыми ведет к тяжелым заболеваниям.

Купить: <https://telnovel.com/loren-oliver/kopiya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)